

Фридрих Шиллер. Коварство и Любовь

(мещанская трагедия)

Перевод Г. Гомберга

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Президент фон Вальтер, при дворе

германского князя.

Фердинанд, его сын, майор.

Гофмаршал фон Кальб.

Леди Милфорд, фаворитка

князя

Вурм, домашний секретарь

президента.

Миллер, музыкант.

Его жена.

Луиза, их дочь.

Софи, камеристка леди.

Камердинер князя и многие

другие.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена I

Комната у музыканта

Миллер (встает со стула и ставит в сторону свою виолончель. У стола сидит Г-жа Миллер еще в дезабилье и пьет кофе.)

Миллер (быстро ходит взад и вперед). Раз навсегда! Дело становится серьезным. О моей дочери с бароном начинают громко говорить. Мой дом опозорен. Президент узнает... коротко: я изобличу майора.

Жена. Ты не завлекал его в свой дон, не заставлял его встретиться с твоей дочерью.

Миллер. Не завлекал его в свой дом! Не заставлял встретиться с моей дочерью! Кто обратит на это внимание? — Ведь я господин в своем доме! Я должен был бы лучше смотреть за своей дочерью; я должен был бы отвадить майора, или прямо донести все его отцу. Для молодого барона кончится все это одним только выговором, я знаю это, а вся вина падет на мою голову.

Ж е н а. (выпивает чашку). Шутки! Глупости! Что может с тобой случиться? Кто может придраться к тебе? Ты, как того требует твоя профессия, набираешь учеников, где только возможно.

Миллер. Но скажи ты мне все-таки, чем это кончится? Жениться на девушке он не может, об этом и речи нет. А взять ее в... избави, боже! Конечно, после того как он черт знает с кем возился, приятно этакому сластолюбцу иметь что-нибудь свеженькое. Смотри ты! Смотри! И если бы ты даже в каждой щелке имел по глазу, если бы ты стоял часовым над каждой каплей крови, он все-таки у тебя под носом надругается над девушкой и бросит ее; а она опозорена на всю свою жизнь и сидит в девушках или, если ремесло ей по нраву, продолжает тоже самое делать. О, господи!

Жена. Избави нас боже от этого!

Миллер! Есть от чего избавиться! На что еще может рассчитывать такой ветреник? Девушка красива, стройна, грациозна. Все равно, в каком доме она живет. На это не обращают внимания, когда имеют дело с женщиной, лишь бы только удалось добиться своего... Удалось бы только молодцу дельце обделать, а там... Все пойдет у него отлично, как у нашего Роднея, когда он носом почует француза: тут только он распустит все паруса. Да я и не виню его в этом. Человек остается человеком. Это, ведь, мне хорошо известно.

Жена. Читал бы ты только прелестные записки, которые пишет господин майор нашей дочери. Боже правый! По ним ясно видно, как горячо он ее любит.

М и л л е р. Так оно и есть! Бьют по мешку, а думают осла. Кто хочет добаться к милому телу, пусть вышлет вперед доброе сердце. Разве я сам не тоже самое делал? Только бы души поладили. Прислуга берет пример с господ и в конце-то концов серебряный месяц окажется сводником.

Жена. Посмотри ты только на эти красивые книжки, присланные сюда господином майором. Твоя дочь по ним только и молится.

Миллер. (свистит). Вот оно! Молится! Ему нужно отравить ее замученной кухней беллетристов. В огонь бы эту дрянь! Девушка нахватается Бог знает какого заоблачного вздора; кровь зашевелится как от шпанских мух и пропадет та капля религиозности, которую с таким трудом поддерживал отец. В огонь бы, говорю я! Девушка заберет себе в голову разную чертовщину и, побывав в этом мире чудес, в конце концов, не сможет даже найти дороги домой, забудет, будет стыдиться, что ее отец — скрипач Миллер, и кроме все-го этого лишит меня честного, дельного зятя, который бы помогал мне... Нет! Черт возьми! (вскакивает, с жаром). Сейчас нужно привести это в исполнение и майору... да, да, я покажу майору, где плотник дверь проделал. (Хочет идти).

Жена. Будь же рассудителен. Сколько он подарков поприносил нам...

Миллер (возвращается и останавливается перед ней). Плата за кровь моей дочери! Убирайся к дьяволу, бесстыдная сводница! Лучше пойду я по миру с своей скрипкой и буду добывать себе дневное пропитание, играя под окнами — лучше я разобью свою виолончель и стану навоз возить, чем воспользуюсь деньгами, заработанными моей единственной дочерью. ценой ее души и счастья. Откажись ты от этого проклятого кофе и нюхательного табаку и тогда тебе не нужно будет выводить свою дочь на рынок. Я был постоянно сыт и всегда имел хорошую сорочку на теле, прежде чем этот хлыщ забрался в мой дом.

Жена. Только не будь опрометчив! Как ты, однако, быстро загорелся! Я говорю только, что не нужно оскорблять господина майора: ведь он сын президента.

Миллер. Вот то-то оно и есть! Потому-то и нужно сегодня же покончить с этим делом! Президент должен быть мне благодарен, если только он хороший отец. Почисть мне красный плюшевый сюртук, и я отправлюсь к его превосходительству; «Вашему сыну», скажу я ему, «нравится моя дочь; но она будет слишком плохая жена для него, а в наложницы — она слишком дорога». И только! Меня зовут Миллер.

Сцена II

Те же и секретарь Вурм

Жена. Ах! Здравствуйте, господин секретарь! Очень рада вас видеть. Вурм. Оставьте, оставьте, тетушка! Может ли пойти в счет удовольствие, доставляемое мещанами, там, где есть благоволение дворян.

Жена. Чего вы только не говорите, господин секретарь! Высокая милость господина Майора фон Вальтера доставляет нам действительно иногда удовольствие, но из-за этого мы никем не пренебрегаем.

Миллер (с досадой). Подай, жена, стул гостю! Раздевайтесь, земляк!

Вурм (кладет шляпу и палку и садится). Как же поживает моя будущая... или моя бывшая?... Смею надеяться, что мамзель Луизу можно видеть?

Жена. Спасибо за внимание, господин секретарь! Моя дочь вовсе не высокомерна

Миллер (сердится и ударяет ее смычком). Жена!

Жена. Жаль, что она не может иметь чести видеть вас, господин секретарь. Моя дочь теперь у обедни.

Вурм. Это меня очень радует, очень радует! Я буду иметь в ней набожную жену.

Жена (улыбается с глупой гордостью). Да!... Но, господин секретарь...

М и л л е р (в явном смущении, дергает ее за ухо). Жена!

Жена. Если только мы можем быть вам чем-либо полезны, то с большим удовольствием, господин секретарь...

В у р м (лукаво усмехается). Чем-нибудь! Очень вам благодарен! Очень! Гм! Гм! Гм!

Жена. Но... как по вашему мнению, господин секретарь?...

Миллер (взбешенный, толкает жену сзади). Жена!

Жена. Что хорошо — то хорошо, а что лучше — то лучше. Кто же станет противиться счастью собственного дитяти? Вы, господин секретарь, вероятно, уже сами замечаете?..

В у р м (беспокойно вертится в кресле, чешет себе ухо и поправляет манжеты и жабо). Замечаю ли я?

О, да!.. Что вы, именно думаете этим?

Жена. Ну... я думаю (кашляет). что моя дочь по воле божьей будет знатной дамой...

В у р м (вскакивает с кресла). Что вы говорите? Что?

Миллер. Сидите! Сидите, господин секретарь! Моя жена — глупая гусыня. Каким образом может сделаться моя дочь знатной барыней? И наболтает же, глупая!

Жена. Бранись, сколько хочешь. Я все-таки знаю, что знаю... а что господин майор сказал, то он сказал.

Миллер (*окончательно выведенный из терпения, бросается к виолончели*). Замолчишь ли ты? Хочешь, верно, чтобы я на твоей голове разбил виолончель? Что ты знаешь? Что мог сказать майор? Не обращайтесь на эту болтовню, братец! Ступайте в свою кухню! Вы меня, надеюсь, не считаете таким глупцом, чтобы я мог иметь такие намерения относительно девушки? Не подумаете обо мне этого, господин секретарь? В у р м. Я и не заслужил этого от вас, господин музыкант? Я, как вам известно, всегда был господином своего слова, и мои намерения относительно вашей дочери были решены и подписаны. При моей должности, если уметь вести хозяйство, можно хорошо прожить. У президента я в милости, так что в рекомендациях не было бы недостатка, если бы я вздумал занять должность повыше. Вы видите, мои намерения относительно мамзель Луизы серьезны. Но вас, видно какой-то ветреник уломал...

Жена. Господин секретарь! Нельзя ли с большим уважением...

Миллер. Придержи язык, говорю я! Все остается по-старому, господин секретарь. Что я ответил вам прошлой осенью, тоже самое и теперь повторяю. Я не принуждаю своей дочери. Нравится вы ей — отлично, пусть старается быть с вами счастлива. Не хочет идти за вас — тем лучше... Божья воля, хотел я сказать — вы спокойно перенесете отказ и разопьете бутылочку с отцом. Девушке придется жить с вами, а не мне. С какой стати стану я ей упрямо навязывать человека, который ей не по сердцу? — Чтобы злой дух на старости лет не покидал меня, чтобы я стакана вина не мог выпить или ложки супу съесть, не подумав: «ты, негодяй, погубил свою дочь»?

Жена. Коротко и ясно — я решительно отказываюсь дать свое согласие. Мою дочь ждет кое-что повыше. Я обращусь к суду, если муж мой позволит себя уговорить.

М я л л е р. Хочешь ты, чтобы я тебе все ребра переломал, пустомеля.

В у р м (к Миллеру). Отцовский совет имеет большое значение для дочери. Меня ведь вы, надеюсь, знаете, господин Миллер?

Миллер. Черт тебя возьми совсем! — Девушка должна вас знать. Что я, старый хрыч, в вас вижу, может не представлять никакого интереса для молодой лакомой девушки. Я вам точно скажу, годитесь ли вы в оркестр, но женское сердце мне совсем не знакомо. Скажу вам, господин секретарь, — я ведь прямой и, пожалуй, грубый человек — что вы едва ли были бы благодарны за мой совет. Я не выдаю еще пока свою дочь ни за кого, но отсоветовал бы ей выходить за вас, господин секретарь! Дайте мне высказаться. Возлюбленному, прибегающему к помощи отца, я, извините меня, не доверяю ни на йоту. Если он порядочный малый, он постыдится высказать пред своей возлюбленной свои таланты таким старомодным путем. Если же у него настолько смелости нет — он трус, а для таких господ Луизы не существуют. Он должен обделать свое дело за спиной отца. Он должен так сделать, чтобы девушка скорее отца и мать послала к черту, чем его отпустила от себя — или,

чтобы она сама бросилась отцу и ноги и молила ради бога отдать его возлюбленному или схоронить ее. Вот это по моему молодец! Это значит любить

В у р м (берет шляпу и палку а уходит'). Очень вам обязан, господин Миллер! Миллер (идет за ним). За что? За что? Вы даже не закусили ничем, господин секретарь! (возвращается). Ничего не слушает и бежит... Видеть эту чернильную лисицу — для меня хуже всякого яда. Мерзкий, противный негодяй! Так и кажется, что он попал на свет божий благодаря какому-нибудь контрабандисту. Маленькие узенькие глазки, огненно-красные волосы, искривленный подбородок, как будто природа, взбешенная своей неудачной работой, схватила этого негодяя и бросила его в угол... Нет! Чем отдать свою дочь этакому негодяю, пусть она лучше... Прости, господи!

Жена (плюет со злостью). Собака!... Тебя заставят замолчать!

Миллер. И ты тоже со своим проклятым майором! Ты вывела меня просто из терпения. Ты никогда не бываешь глупее, чем когда тебе непременно нужно быть порассудительнее. И к чему было болтать о знатной барыне и о дочери своей? Стоит ему только что-нибудь заметить как на следующий

же день на рынке все будут говорить об этом. Эти господа, как только пронюхают что-нибудь в доме, если сорвется у кого глупое слово — бац! Знают уже об этом и князь, и фаворитка, и президент, и, того гляди, разразится гроза над тобой.

Сцена III

Те же, Луиза Миллер

(входит с книгой в руке)

Луиза *(кладет книгу, подходит к Миллеру и жмет ему руку)*. Здравствуй отец!

М и л л е р *(с любовью)*. Отлично, моя Луиза! Меня радует, что ты так хорошо помнишь о твоём создателе. Будь всегда такою и его рука поддержит тебя всегда.

Луиза. О, я великая грешница, отец! Был он здесь, матушка?

Жена. Кто, дитя мое?

Луиза. Ах! Я забыла, что и кроме него есть люди... Голова у меня так тяжела... Не было его здесь? Вальтера?

Миллер *(печально и серьезно)*. Я думал, что моя Луиза оставила в церкви это имя.

Луиза (*смотрит некоторое время на него пристально*). Я понимаю тебя, отец, чувствую нож, который ты вонзаешь в мою совесть. Но это слишком поздно. Нет во мне больше набожности, отец! Небо и Фердинанд рвут мою измученную душу, и я боюсь... я боюсь... (*после некоторой паузы*). Нет, дорогой отец!

Миллер (*садится огорченный*). Вот оно! Вот плоды этих безбожных книжек!

Луиза (*с беспокойством подходит к окну*). Где он теперь? Знатные барышни видят его, слышат... а я несчастная, забытая девушка... (*пугается своих собственных слов и бросается к отцу*). Нет, нет! Прости меня, отец! Я не жалею свою судьбу. Я хочу только немного думать о нем... Это, ведь, ничего не стоит. О, если бы я могла выдохнуть свою жизнь мягким, ласковым ветерком, чтобы освежать его лицо! О, если бы моя цветущая молодость могла быть фиалкой, на которую он наступил бы, и она скромно умерла бы под его ногой. Я бы удовольствовалась этим, отец! Может ли гордое, величественное солнце наказывать комара за то, что он греется в его лучах?

Миллер (*тронутый, опускает голову на ручку стула и закрывает лицо*). Слушай, Луиза! Я отдал бы свою жизнь, чтобы только ты никогда не видела майора.

Луиза (*пугливо*). Что ты говоришь? Что? Ты не это думаешь, дорогой отец. Ведь ты знаешь, что Фердинанд — мой, для меня создан — мне на радость создан отцом любящих (*стоит, задумавшись*). Когда я его в первый раз увидела... (*живее*) кровь ударила мне в голову, радостнее забилося сердце; всякое биение говорило, всякий вздох шептал: «это он» — сердце мое узнало желанного и подтвердило: «это он»! Вся природа ликовала со мной! Тогда... о, тогда впервые просветлело у меня на душе. Тысячи молодых чувств появились в моем сердце, как цветы на земле с наступлением весны. Я не видела мира, и все-таки никогда он не был так прекрасен, как тогда. Я не знала больше бога, и все-таки я его любила больше, чем всегда.

Миллер (*подбегает к ней, и прижимает к груди*). Луиза... дорогое... милое дитя... Возьми мою старую, слабую голову... возьми все... »се! Майора — бог свидетель в том — я не могу тебе дать никогда. (*Уходит*).

Луиза. Да я и не хочу его теперь, отец! Это незначительное время... один только сон о Фердинанде жадно поглотит его. Я отказываюсь от него в этой жизни. Тогда, матушка, тогда, когда падут преграды различия — когда с нас спадет эта проклятая шелуха положения — люди останутся только людьми.

Жена, (*вскакивает*). Луиза! Майор! Он перескочил через забор! Куда мне спрятаться?

Луиза. Останься, матушка!

Жена. Мой боже! На кого я похожа; мне просто стыдно. Я не могу показаться его милости в таком виде. (*Уходит*).

Сцена IV

Фердинанд фон Вальтер, Луиза

Фердинанд (быстро подходит к ней — она бледная, опускается на стул. Он, останавливается перед ней. Некоторое время молча смотрят друг на друга. Пауза).

Фердинанд. Ты бледна, Луиза?

Луиза (встает со стула и обнимает его). Ничего! Ничего! Ты здесь — и все прошло.

Фердинанд (подносит ее руку к губам). Любит ли еще меня моя

Луиза? Мое сердце такое же, каким было вчера — осталось ли и твое таким же? Я примчался сюда, чтобы посмотреть, весела ли ты, и чтобы самому потом быть веселым. Но ты не весела!

Луиза. Весела, весела, мой возлюбленный.

Фердинанд. Скажи мне правду. Ты не весела... Я вижу твою душу насквозь, как чистую воду этого брильянта. (Показывает на свое кольцо). Здесь нет ни одного пятнышка, которого я бы не заметил — ни одна мысль на этом лице не укроется от меня. Что с тобой? Говори скорее! Если только это зеркало ясно — нет ни одной тучки для меня на свете! Что печалит тебя?

Луиза (молча смотрит на него некоторое время, затем с страданием). **Фердинанд!** Фердинанд! Если бы ты только знал, как гордится такой речью мещанская девушка.

Фердинанд. Что это такое? Девушка! Послушай! Как пришло это тебе в голову? Ты — моя Луиза! Кто говорит тебе, что ты должна еще чем то быть? Видишь ли, лицемерная, как холодно ты меня встречаешь. Люби ты меня, так у тебя не хватило бы времени на сравнения. Когда я возле тебя, мой рассудок теряется в твоём взгляде; когда я ухожу от тебя, я занят только мыслью о тебе, а в тебе есть кроме любви еще и рассудительность. Стыдись! Каждое мгновение, потраченное тобой на эту печаль, ты отнимаешь у своего возлюбленного.

Луиза (схватывает его за руку и качает головой). Ты хочешь усыпить меня. **Фердинанд,** хочешь отвести мне глаза от пропасти, в которую я должна упасть. Я всматриваюсь в будущее... голос славы — твои намерения, твой отец — мое ничтожество... (Пугается и отпускает его руку). **Фердинанд!** Меч висит над тобой и мной! Нас разлучат!

Фердинанд. Разлучат нас! (вскакивает). Откуда это предчувствие, Луиза? Разлучат нас? Кто может разорвать союз двух сердец и отделить друг от друга тоны одного аккорда?

Я дворянин... Дай мне убедиться, что моя дворянская грамота старше плана бесконечной вселенной! Или, что мой герб важнее небесных начертаний в глазах Луизы: «эта женщина создана для этого мужчины!» Я сын президента. Тем лучше. Только любовь может усладить мне проклятия, которые будут сыпаться на меня за разорение страны моим отцом.

Луиза. О, как боюсь я этого отца!

Фердинанд. Я ничего не боюсь, ничего... кроме границ твоей любви! Пусть препятствия, как горы, станут между нами — они послужат мне ступенями, по

которым я понесусь в объятия моей Луизы. Удары судьбы раздуют мое чувство, опасности сделают мою Луизу только желаннее. Итак, ни слова больше о страхе, моя дорогая. Я сам — я буду оберегать тебя, как волшебный дракон оберегает подземные сокровища. Доверься мне. Я стану между тобой и судьбой, получу вместо тебя каждую рану, сохраню для тебя каждую каплю из кубка радости, а затем принесу их тебе в чаше любви. (Обнимает ее нежно). Опираясь на мою руку, пройдет Луиза весело жизненный путь.

Луиза (отталкивает его от себя, в большом волнении). Ни слова больше! Умоляю тебя, замолчи! Если бы ты знал... Пусти меня... Ты не знаешь, что твои надежды, как фурии, заползли в мою душу (хочет уйти).

Фердинанд (удерживает ее). Луиза! Как? Что? Что за припадок такой?

Луиза. Я забыла эти сны и была счастлива. Теперь! Теперь! С сегодняшнего дня... мир моей жизни нарушен... Дикие желания, я знаю это, будут бушевать в моей груди. Уйди! Пусть бог простят тебя за это! Ты бросил огонь в мое молодое спокойное сердце, и он никогда уже не будет потушен. (Она убегает. Он молча идет за ней).

Сиена V

Зал у президента

Президент, у которого на шее орден,

а на груди звезда, и секретарь Вурм входят.

Президент. Мой сын серьезно влюбился? Нет, Вурм, никогда ты меня не уверишь в этом!

Вурм. Прикажите, Ваше Превосходительство, и я представлю доказательства.

Президент. Что он ухаживает за простой девушкой, говорит ей комплименты, высказывает свои чувства — это все вещи, по-моему, возможные, даже простительные... но... Это дочь музыканта, говоришь ты?

Вурм. Дочь капельмейстера Миллера.

Президент. Отлично! Да это и понятно.

Вурм (с оживлением). Прелестнейшая блондинка, которая, я не преувеличиваю, могла бы затмить первейших красавиц двора.

Президент (смеется). Что ты говоришь, Вурм? Видно, ты хорошо присмотрелся к девушке! Но, видишь ли, дражайший Вурм, я надеюсь, что дамы не будут его ненавидеть, так как он может полюбить женщину. Он может кое-чего добиться при дворе. Девушка хороша собой, говоришь ты, это мне нравится в моем сыне: он, значит, человек со вкусом. Дает обещания этой дуре — тем лучше: он умеет, значит, прилгнуть, когда нужно. Он может сделаться президентом. Добьется он чего-либо в

этом деле — отлично! Это доказывает, что он счастлив. Закончится эта комедия здоровым внуком — неподражаемо! Я разопью за процветание моего рода лишнюю бутылку малаги и заплачу штраф за его развратницу.

Вурм. Менее всего желаю вам, Ваше Превосходительство, распить эту бутылку... для вашего развлечения.

Президент (серьезно). Ты ведь знаешь, Вурм, что, если я верю чему, я верю упорно; в гневе я дохожу до бешенства. Я превращаю в шутку то, что ты хотел меня подзадорить. Я охотно верю тебе, что ты рад был бы сбросить с шеи соперника. Тебе самому было бы трудно прогнать моего сына от девушки, а поэтому ты призываешь на помощь отца — это для меня понятно. Я даже восхищен тобой, так как у тебя отличные шельмовские наклонности. Только, милейший Вурм, тебе не следовало бы меня надуть. Только, смотри, не задевай своими хитростями моих принципов. Понимаешь?

Вурм. Прошу прощения у Вашего Превосходительства. Если я действительно, как вы подозреваете, ревную, то уж во всяком случае, не языком, а глазами.

Президент. По-моему, ревность здесь совсем неуместна, глупый! Не все ли тебе равно получить монету прямо с монетного двора или от банкира? Взгляни ты на местное дворянство...

В у р м (кланяется). Я — мещанин, милостивый государь!

Президент. Кроме того в ближайшем будущем, ты будешь иметь удовольствие отличнейшим образом посмеяться над твоим соперником. У меня в кабинете лежит приказ, что леди Милфорд получает отставку, для виду только, так как ждут приезда новой герцогини, и должна выйти замуж, чтобы лучше обмануть герцогиню. Тебе, Вурм, известно, что мое значение главным образом опирается на влияние леди, что вообще все мои сильнейшие пружины зависят от страстей герцога. Герцог ищет жениха для леди. Кто-нибудь другой может явиться, заключить торг, получить вместе с дамой сердца герцога и его доверие, сделаться для него необходимым... Чтобы герцог остался в сетях моей фамилии, должен мой Фердинанд жениться на леди. Ясно это для тебя?

Вурм. Так ясно, что глаза даже режет... Президент доказал здесь, что отец пред ним только новичок. Если майор окажется таким же послушным сыном относительно вас, как вы — нежным отцом для него, то ваше требование может встретить протест.

Президент. К счастью мне постоянно удавалось выполнить свои планы, раз я только сказал себе: «это должно так быть»! Но вот видишь, Вурм, это привело нас к тому же пункту, с которого мы начали. Еще сегодня перед обедом объявлю я сыну о его помолвке. Выражение лица его при этом известии или усилит твое подозрение или совершенно уничтожит его. Вурм. Простите меня, милостивый господин. Мрачное выражение лица, которое будет у него при этом известии, можно будет приписать одинаково как предлагаемой невесте, так и отнимаемой. Я предложу вам другое испытание, более сильное. Выберите вы ему лучшую партию в стране, и если он согласится, то сошлите вы меня на 3 года в каторгу.

Президент (кусает губы). Черт!

Вурм. Это не иначе! Мать — сама глупость — в простоте своей слишком много наболтала.

Президент (*ходит по комнате, со сдержанным гневом*). Хорошо! Сегодня же!

Вурм. Только не позабудьте, Ваше Превосходительство, что майор — сын моего господина.

Президент. Ты будешь пощажен, Вурм!

Вурм. И что услуга — избавить вас от неожиданной невестки...

Президент. Заслуживает помощи добыть тебе жену? Так, Вурм?

Вурм (*кланяется довольный*). Ваш навеки, милостивый господин! (*хочет уйти*).

Президент. Если только ты разболтаешь то, что я тебе только что доверил...

Вурм (*смеется*). То вы, Ваше Превосходительство, покажете мои фальшивые документы. (*Уходит*).

Президент. Ты-то мне верен! Я держу тебя в твоём мошенничестве, как жука на нитке.

Камердинер (*входит*). Гофмаршал фон Кальб...

Президент. Очень кстати! Проси! (*Камердинер уходит*).

Сцена VI

Гофмаршал фон Кальб (*в богатом, но безвкусном придворном костюме, с камергерскими ключами, 2 часами, шпалой и chapeau bas причесан a la herisson. С шумом бежит навстречу президенту и по всему партеру распространяется запах мускуса.*) Президент

Гофмаршал (*обнимает его*). Ах! доброго утра, мой дорогой! Как изволили спать? Вы меня, надеюсь, извиняете, что я так поздно имею удовольствие... Неотложные дела... меню... визитные билеты... составление партий для сегодняшнего катанья на саниах... да кроме того мне пришлось быть при вставании и доложить Его Светлости о погоде.

Президент. Конечно, Маршал, вам невозможно было не сделать всего этого.

Гофмаршал. Ко всему этому еще негодяй-портной заставил ждать себя.

Президент. И, несмотря на все это вы все-таки были готовы?

Гофмаршал. Это еще не все! Несчастье преследует меня сегодня! Послушайте только!

Президент (*расстроенный*). Возможно ли?

Гофмаршал. Послушайте только! Только что вышел я из кареты, как лошади чего-то взбесились, начали становиться на дыбы, рваться так, что обдали меня всего грязью. Что делать? Представьте себя ради бога, на моем месте, барон! Я стоял там.

Было уже поздно. Но я не мог явиться к Его Светлости в таком виде, да к тому еще днем. Боже правый! Что же я придумал? Я представился, что падаю в обморок. Меня снесли в карету. Полным карьером еду я домой... переодеваюсь... возвращаюсь и — что вы скажете на это? — был первым в приемной князя. Как вам это нравится?

Президент. Отличнейший экспромт человеческой изобретательности. Однако в сторону это, Кальб! Вы, значит, говорили уже с герцогом?

Гофмаршал (с достоинством) 20 1/2 минут.

Президент. Прекрасно! Значит, вы можете сказать мне какие-нибудь новости!

Гофмаршал (после некоторого молчания, серьезно). Его Светлость сегодня в костюме.

Президент. В таком случае, маршал, у меня есть лучшая новость для вас: Леди Милфорд будет скоро женой майора фон Вальтера. Это для вас, я думаю, новость?

Гофмаршал. Представьте! И это уже окончательно решено?

Президент. Подписано, маршал! Вы очень меня обяжете, если сейчас же отправитесь к леди и приготовите ее к визиту моего сына и оповестите всю столицу об этом.

Гофмаршал (восхищенный). О, с большим удовольствием, мой дорогой! Что может быть для меня приятнее? Сейчас же отправлюсь... (обнимает его). Прощайте. В три четверти часа весь город будет знать об этом. (Выбегает из комнаты).

Президент (смеется ему вслед). А говорят, что эти создания ни к чему не годны!.. Итак, мой Фердинанд должен согласиться или весь город солгал. (Звонит. Входит Вурм). Пусть придет сюда мой сын!

(Вурм уходит. Президент расхаживает по комнате задумавшись).

Сцена VII

Фердинанд, Президент, Вурм,

который сейчас же уходит.

Фердинанд. Вы приказали, отец...

Президент. К сожалению, я должен так поступать, когда хочу порадоваться на своего сына. Оставь нас, Вурм! Фердинанд, я наблюдаю за тобой некоторое время и не нахожу в тебе больше открытой живой юности, которая так меня в тебе восхищала. Какое-то горе видно на твоём лице. Ты избегаешь меня, избегаешь людей. Фу! В твои годы простительна разгульная жизнь, но никак не мрачные мысли. Предоставь мне, дорогой сын, потрудиться для твоего счастья и заботиться только о том, чтобы поступать согласно моим планам. Пойди сюда, обними меня, Фердинанд!

Фердинанд. Вы сегодня очень милостивы ко мне, отец.

Президент. Только сегодня, хитрец?... и это сегодня с такой кислой гримасой! (серьезно). Фердинанд! Для кого проложил я опасный путь к сердцу

князя? Для кого отказался я навсегда от совести и неба? Слушай, Фердинанд — я говорю с моим сыном — для кого я устранением своего предшественника очистил место? — эта история тем ужаснее режет мое сердце, чем старательнее я прячу нож от глаз света! Слушай! Скажи мне, Фердинанд! Для кого я все это делал?

Фердинанд (с ужасом отступает назад). Во всяком случае не для меня, отец! Не на меня ли должно упасть кровавое отражение этого злодейства? Всемогуший боже! Лучше совсем на свете не родиться, чем служить предлогом к такому преступлению?

Президент. Что ты говоришь? Что?... Впрочем, прощаю это твоей романической голове! Фердинанд! Я не хочу сердиться! Ветреный ребенок! Так-то ты вознаграждаешь меня за мои бессонные ночи? Так — за мои неусыпные заботы? — За вечные угрызения совести? На меня падет вся тяжесть ответственности, на меня — проклятия и громы Высшего судьи; ты же получаешь свое счастье из вторых рук. Преступление не пристаёт к наследству.

Фердинанд (поднимает к небу правую руку). Торжественно отказываюсь я от наследства, которое напоминает мне только ужасного отца!

Президент. Послушай, молодой человек, не выводи меня из терпения! Если бы было так, как ты думаешь, тебе всю свою жизнь пришлось бы пресмыкаться в пыли.

Фердинанд. О, отец! Это гораздо лучше, чем пресмыкаешься у трона.

Президент (со сдержанным гневом). Гм! Тебя нужно заставить понять свое счастье! Куда десятки других, несмотря на все свои усилия, не в состоянии взобраться, туда тебя возносят легко, как бы во сне. В двенадцать лет был ты прапорщиком. В двадцать — майором! Я добился этого у князя. Ты снимешь скоро военное платье и вступишь в министерство! Князь говорил о чине тайного советника, о посольстве... о неслыханных милостях. Тебе предстоит блестящая карьера! Тебе открывается прямой путь к трону, к самому трону, если только власть стоит того же, что и признаки ее. И это не воодушевляет тебя?

Фердинанд. Мои понятия о величии и счастье несколько иные, чем ваши. Вы добиваетесь своего счастья почти всегда преступлением. Зависть, страх, проклятия — вот печальные зеркала, в которых отражается величие властителя. Слезы, проклятия, отчаяние — вот страшное пиршество, за которым эти прославленные счастливыцы роскошествуют, от которого они встают опьяненные и, шатаясь, предстают пред престол божий. Мой идеал счастья заключается во мне самом! В сердце моем схоронены все мои желания!

Президент. Отлично! Превосходно! После тридцати лет
опять лекция! Жаль только, что моя пятидесятилетняя
голова слишком уж тупа для ученья! Но... для того,
чтобы не дать заглухнуть в тебе этому редкому таланту, я
дам тебе кого-нибудь, с кем бы ты мог сколько угодно

упражняться в своем безумии. Ты должен решиться

— еще сегодня решиться—жениться.

Фердинанд (*пораженный, отступает назад*). Отец мой!

Президент. Без комплиментов... Я от твоего имени
сделал леди Милфорд предложение. Немедленно

ты потрудишься отправиться к ней и сказать ей, что ты ее жених.

Фердинанд Милфорд, отец! Президент. Если ты ее
знаешь! Фердинанд (*смущенный*). Кто ее не знает в герцогстве? Но
довольно-таки смешон, дорогой отец, что принимаю вашу
шутку всерьез! Захотите разве вы считаться отцом негодного сына,
который женится на привилегированной развратнице?

Президент. Даже больше! Я и сам посватался бы за нее, не будь мне 50 лет. Разве
захочешь считаться сыном негодяя-отца?

Фердинанд. Нет! Клянусь богом!

Президент. Это дерзость, клянусь честью! Но я прощаю ее за ее редкость.

Фердинанд. Умоляю вас, отец! Не оставляйте меня дольше в подозрении, при
котором я не могу назваться вашим сыном!

Президент. Не сошел ли ты с ума, мальчик? Какой разумный человек стал бы
отказываться от чести поменяться со своим властителем местами?

Фердинанд, Вы делаетесь для меня загадкой, отец. Вы называете честью разделить с
государем то, в чем он сам становится ниже человека?

Президент (*алеется*).

Фердинанд. Можете смеяться! Да, кроме того, отец! С каким лицом я покажусь
самому жалкому ремесленнику, который, по крайней мере, получает в приданое за
своей женой целое тело? Какими глазами я буду смотреть ша весь свет? На князя?
На саму эту развратницу, которая хочет смыть пятно своей чести в моем позоре?

Президент. Откуда у тебя столько слов?

Фердинанд. Ради неба заклинаю вас, отец! Вы не можете сделаться настолько
счастливым благодаря моей гибели, насколько сделаете меня несчастным. Даю вам
свою жизнь, если это только может вас возвысить. Вы мне дали жизнь и я ни на
минуту не задумаюсь пожертвовать ею для вашего величия. Моя честь, отец! Если
вы лишите меня чести, то и дать мне жизнь было большой низостью — и я буду
проклинать отца, как сводника.

Президент (*дружески треплет его по плечу*). Отлично, дорогой сын! Теперь я вижу,
что ты честный малый и достоин лучшей женщины в герцогстве. Ты ее получишь.
Еще сегодня должна быть твоя помолвка с графиней фон Остгейм.

Фердинанд (*снова пораженный*). Неужели же этот час назначен

для того, чтобы меня окончательно уничтожить?

(Президент смотрит пристально на него). Это ведь не противоречит твоим понятиям о чести?

Фердинанд. Нет, отец! Фредерика фон Остгейм могла бы осчастливить кого-либо другого, (про себя, в сильном замешательстве). Что еще уцелело в моем сердце от его злобы, разрывает теперь его доброта.

Президент (не отводя глаз от сына). Я жду от тебя благодарности, Фердинанд!

Фердинанд (бросается к отцу и целует его руку). Отец! Ваша милость зажигает все мои чувства! Отец! Горячо благодарю вас за ваши сердечные намерения. Ваш выбор безукоризнен... но... я не могу... я не должен... пожалейте вы меня... я не могу любить графиню!

Президент (отступает назад). Вот как! Теперь я поймал тебя! Попался в эту ловушку, хитрый обманщик! Так это не честь мешает тебе жениться на леди! Так ты, значит, гнушаешься не невесты, а самой женитьбы!

Фердинанд (как окаменелый стоит некоторое время, затем хочет бежать из комнаты).

Президент. Куда? Постой! Таково-то твое уважение ко мне? (Майор возвращается). Леди уже извещена о твоём приходе. Я дал слово князю. Весь город и двор знают уже об этом. Если благодаря тебе я останусь лгуном перед всем городом... пред князем... пред леди... лгуном пред двором... берегись тогда, сын мой! Или если я узнаю о какой-нибудь истории!... Это что! Чего это ты так внезапно побледнел?

Фердинанд (бледный, дрожащий). Как? Что? Да, ведь, ничего такого нет, отец!

Президент (сурово смотрит на него). А если есть что-нибудь! Если я узнаю причину, благодаря которой ты так упрямисься!... Одно только подозрение приводит меня в бешенство! Ступай сию же минуту! Вахтпарад на-

чинается! Ты отправишься к леди сейчас же после пароля. При моем появлении дрожит все герцогство! Посмотрим же, осилит ли меня упрямый сын! (Уходит и сейчас же возвращается). Говорю тебе, отправляйся к ней!... Или... берегись моего гнева! (Уходит).

Фердинанд (приходит в себя). Он ушел? Был ли это голос отца?... Да! Я пойду к ней... пойду... скажу ей все, покажу ей ее образ, как в зеркале... Недостойная! И если ты и тогда будешь требовать моей руки... в присутствии всех дворян, войска и народа вооружись всей гордостью своей Англии— я откажусь от тебя, я — немецкий юноша (быстро уходит).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала во дворце Леди Милфорд. Направо диван, налево рояль

Сцена I

Леди в простом, красивом неглиже с распущенными волосами сидит у рояля и фантазирует. Софья, камеристка, подходит к ней.

Софья. Офицеры разошлись, парад кончился; но я не вижу еще Вальтера.

Леди. Я не знаю, что со мной сегодня, Софья. Никогда еще я себя так не чувствовала. Так ты его совсем не видала? Конечно, он не станет спешить. Меня это тяготит, как какой-нибудь грех. Поди, Софья, вели оседлать мне самого бешеного рысака из дворцовой конюшни. Я должна проветриться, посмотреть на людей, взглянуть на синее небо, и облегчить свою душу.

Софья, Если вы нехорошо себя чувствуете, миледи, велите собраться у вас сегодня обедать здесь и поставить карточные столы около вашего дивана! В вашем распоряжении двор — а вы еще капризничаете.

Леди (*бросаясь на диван*). Пощади меня, прошу тебя. Я готова подарить тебе бриллиантовый час, который избавит меня от их присутствия. Не меблировать же мне ими комнату. Довольно народ! Они возмущаются, когда услышат от меня одно теплое душевное слово и стоят развесив уши, точно увидели привидение! Все они — создания одной марионеткой проволоки, так же легко управлять как этой сеткой. Что мне томится голодом, одна только потребность удовлетворена; и зачем мне все хорошие побуждения и желания, когда мне суждено утолять о

Софья (удивленно смотрит на нее). С каких пор я служу у вас миледи...

Леди. Потому что ты только сегодня узнала меня? Это правда, милая Софья; я продала герцогу только честь свою, но сердце мое свободно — сердце, которое еще достойно любви, которого ядовитое влияние двора коснулось как ветерок касается зеркальной поверхности. Верь мне, этот жалкий князь давно бы согласился сделать меня первой придворной дамой, если бы мое самолюбие позволило мне просить его об этом.

Софья. А это сердце так охотно подчиняется самолюбию.

Леди (с одушевлением). Как будто оно уже не отомстило за себя! Как будто оно еще и теперь не мстит! Софья! (*кладя ей руку на плечо*). Женщина может одно из двух — или властвовать, или подчиняться, но самое высшее наслаждение власти не может заменить нам того восторга, который мы испытываем, когда подчиняемся любимому человеку.

Софья. Эту истину, миледи, я не ожидала слышать из ваших уст!

Леди. Отчего, Софья? Разве наша ребяческая игра со скипетром не достаточно доказывает, что мы только годимся для помочей. Разве ты не могла понять, что все это капризное легкомыслие, все эти дикие удовольствия были только для того, чтобы заглушить в груди моей еще более бурные страсти?

Софья (с удивлением). Миледи!

Леди (живее). Удовлетвори их! Дай мне человека, о котором я думаю, которого боготворю, Софья. Я должна обладать им или умереть (*замирая*). Я хочу услышать из собственных уст его, что слезы любви в глазах моих блещут прекраснее, чем бриллианты в волосах моих — (*страстно*) и я брошу к ногам герцога и сердце, и герцогство его — я убегу с этим человеком, убегу с ним на край света.

Софья (смотрит на нее испуганно). Боже! Что с вами миледи?

Леди (в смущении). Ты бледнеешь! Я, верно, лишнее сказала. Пусть доверие мое к тебе свяжет твой язык. Слушай дальше; я все скажу.

Софья (озираясь с испугом). Я боюсь, миледи... мне кажется, что я уже все знаю.

Леди. Брак с майором... и ты, и все — обмануты... вы думаете, что это придворная интрига.

Софья, не красней за меня, не стыдись — это дело моей любви.

Софья. Ей богу, я подозревала

это!

Леди. Все обмануты, Софья, и слабый герцог, и хитрый Вальтер, и глупый маршал. Каждый из них поклянется, что эта свадьба — самое лучшее средство возвратить меня герцогу, еще больше связать меня с ним. Да! Разорвать навеки, разорвать навеки эти позорные узы! Обманутые обманщики, которых перехитрила слабая женщина! Вы сами сближаете меня с моим возлюбленным. Это ведь единственное, чего я добивалась! Когда он будет мой, мой... тогда, прости навеки, противная роскошь!

Сцена II

Те же, старый слуга герцога

(со шкатулкой в руках)

Слуга. Его Высочество герцог велели кланяться миледи и шлют им на свадьбу эти брильянты, только что полученные из Венеции.

Леди (открывая шкатулку и отступая в испуге). Человек, сколько герцог заплатил за эти камни?

Слуга. Они не стоят ни гроша!

Леди. Что! Ты бредишь! Ничего не стоят! (отступая от него на один шаг). И ты смотришь на меня, как будто ты хотел пронзить меня насквозь своим взглядом. — Эти бесценные камни ничего не стоят ему?

Слуга. Вчера семь тысяч поселян отправились в Америку... Они все уплатят.

Леди (кладет шкатулку на стол и быстро ходит по зале; после долгого молчания). Человек, что с тобой? Ты плачешь?

Слуга (утирает слезы и говорит глухим голосом, дрожа всем телом). Эти брильянты... Двое моих сыновей тоже между ними.

(Леди отворачивается в тревоге и берет его за руку). Но их ведь не заставили!

Слуга (с горьким смехом). О боже! Нет, по доброй воле. Только несколько смельчаков выступили из фронта и спросили полковника, во сколько герцог оценивает пару людей. Но наш милостивый государь созвал все войско на плац-парад и велел расстрелять этих молодцов. Мы слышали, как грянули ружья, мы видели, как мостовая обагрилась их кровью, и все войско закричало: Ура! В Америку!

Леди (в ужасе опускаясь на софу). Боже! Я ничего не слышала! Ничего не заметила!

Слуга. Да, сударыня! Зачем вы поехали на охоту медведей с нашим господином, когда мы собирались в поход под звук трубы? Зачем вы прозевали это торжество, когда барабанный бой возвестил, что нам пора; когда рыдающие сироты догоняли своих живых отцов, когда обезумевшие матери собственноручно убивали штыками своих детей, когда саблями разлучали женихов и невест, когда старики стояли в отчаянии, бросая им вслед свои костыли: возьмите, мол, с собой в Америку! И среди всего этого — страшный

барабанный бой, который должен был заглушить наши молитвы, чтобы Всевышний их не услышал!

Леди (*встает в сильном волнении*). Примите эти камни! Они сверкают как пламя ада! Успокойся, бедный старик; они вернутся, они увидят снова родину свою.

Слуга. Бог один знает, что будет! Да! Вернутся! У городских ворот они еще обернулись и воскликнули: да сохранит вас бог, жены и дети! Да здравствует наш господин! На страшном суде увидимся!

Леди, (*ходит в волнении по комнате*). Ужасно! Отвратительно! А мне говорили, что я осушила слезы в этой стране. Страшно открывается вся истина предо мной! Поди, скажи своему господину, что я лично поблагодарю его. (*Слуга хочет удалиться; она бросает ему кошелек с деньгами в шляпу*). А это возьми за то, что ты сказал мне правду! Слуга (*бросает кошелек с презрением на стол*). Присоедините это к остальному (*уходит*).

Леди (*глядя ему вслед с изумлением*). Софья, догони его! Спроси его имя Я верну сыновей. (*Софья уходит, леди ходит в раздумье по зале. Молчание. К возвращающейся Софье*). Недавно рассказывали, что целый город сгорел на границе и что около 400 семейств пошло по миру. (*Звонит*).

Софья. Что это вам вздумалось! Конечно, это так, и большинство этих несчастных служит теперь у своих кредиторов или погибает в минах герцогских рудников.

Слуга (*входит*). Что прикажете, сударыня?

Леди. Чтоб это сейчас же было доставлено в округ.
Чтоб это сейчас же превратили в деньги. Я приказываю,
чтобы их раздали 400 семействам, потерпевшим от пожара.

Софья. Миледи, подумайте, что вы рискуете попасть в немилость.

Леди (с достоинством). Ты хочешь, чтобы я носила в волосах проклятие его страны? (Слуга уходит). Или ты хочешь, чтобы я была подавлена этими слезами! Слушай, Софья! Лучше носить в волосах поддельные камни и иметь в сердце сознание доброго дела.

Софья. Но отдать такие камни! Не могли ли вы взять те, что похуже? Ей богу, миледи, это непростительно!

Леди. Глупая девчонка! Я в один миг выигрываю больше драгоценностей, чем когда-либо сверкало в коронах десяти королей!

Слуга (возвращаясь). Майор фон Вальтер.

Софья. Боже! Как вы бледнеете!

Леди. Это первый человек, которого я боюсь, Софья, скажи, что я больна... Подожди, Эдуард. Что, как он? Весел? Смеется? О, Софья, не правда ли, я сегодня некрасива.

Софья. Бог с вами, леди.

Слуга. Прикажете отказать?

Леди. Нет, проси! (слуга уходит). Софья, что мне сказать ему? Как мне принять его? Я немею... Он будет смеяться над моей слабостью. Он будет... О, какое предчувствие! Ты уходишь? Оставайся... Нет... иди! Останься. (Майор показывается в дверях).

Софья. Придите в себя! Он уже
здесь!

Сцена III

Те же, Фердинанд фон Вальтер

Фердинанд (с легким поклоном). Не помешал ли я вам, сударыня?

Леди. Ни в чем, господин Вальтер.

Фердинанд. Я пришел по приказанию отца своего.

Леди. Я очень обязана ему.

Фердинанд. Мне поручено объявить вам, что я должен жениться на вас. Это желание моего отца.

Леди (бледнеет и дрожит). А каково желание вашего сердца?

Фердинанд. Министры и сводники об этом не спрашивают.

Леди (в тревоге). Так что вы сами не можете прибавить?..

Фердинанд (глядя на Софью). Очень многое, миледи.

Леди (делает знак Софье удалиться). Не угодно ли вам присесть?

Фердинанд. Я изъясняюсь в коротких словах, сударыня.

Леди. Говорите.

Фердинанд. Я человек честный.

Леди. Я это ценю в вас.

Фердинанд. Я дворянин.

Леди. Лучший во всем герцогстве.

Фердинанд. Я офицер

Леди (льстиво). Вы говорите о достоинствах, которыми и другие обладают. Зачем вы умалчиваете о тех, которые принадлежат исключительно вам.

Фердинанд (холодно). Они здесь
неуместны.

Леди. Как же мне понять это предисловие?

Фердинанд. Как протест моей чести, в случае если вам будет угодно заставить меня жениться на вас.

Леди (вскакивая). Что это означает, майор?...

Фердинанд (небрежно). Это голос моего сердца, моего герба, и этой
шпаги!

Леди. Эта шпага дана вам герцогом.

Фердинанд. Я получил ее от государства из рук герцога. Сердце дано мне богом, а герб — пятью столетиями.

Леди. Имя герцога...

Фердинанд (запальчиво). Разве герцог может изменять человеческие законы или чеканить поступки как монету? Да, он сам способен на это, но он может закрыть им рты золотом своим. Умоляю вас, не говорите об этом, сударыня. Тут не идет речь об устарелых взглядах и преданиях или об этом штыке — общественном мнении. Я

готов пренебречь всем, если только вы убедите меня в том, что награда не хуже жертвы.

Леди (отходя от него). Господин майор, я этого не заслужила.

Фердинанд (схватывая ее за руку). Извините! Мы говорим без свидетелей. То обстоятельство, которое свело нас сегодня в первый и последний раз, дает мне право, даже заставляет меня, не скрывать пред вами мои самые заветные чувства! Я не могу понять, миледи, как женщина с таким умом и такой красотой — качества, которые ценятся мужчинами — могла продать свое тело какому-нибудь герцогу, который любит в ней один ее пол, если б этой женщине не было стыдно отдать мужчине свое сердце...

Леди (глядя ему в глаза). Продолжайте!

Фердинанд. И вы называете себя британкой! Извините, я не могу поверить, чтобы вы были британка. Свободная дочь самого свободного народа в свете — народа, который слишком горд, чтобы благоговеть пред чужой добродетелью — не может продаться чужим порокам. Не может быть, чтобы вы были британка — или же ваше сердце должно быть настолько пошло, сколько Британия величественна и горда... Леди. Вы кончили? Фердинанд. Можно, пожалуй, возразить, что эта женская спесь, горячий темперамент, страсть к удовольствиям. Но часто же случалось, что добродетель торжествовала над пороками. Многие уже, которые вели такую самую жизнь, как вы, примирили с собой благородными поступками и облагораживали это низкое ремесло хорошим употреблением его. Но откуда это страшное бедствие по всей стране? Раньше его не было. Все это я говорил во имя герцогства: я кончил.

Леди (кратко, с достоинством). Вальтер, вы первый не побоялись обратиться ко мне с такими речами — и вы единственный, которому я отвечу. За то, что вы отвергаете мою руку, я ценю вас. За то, что вы хулите мое сердце, я прощаю. Но за то, что вы не говорите серьезно, я могу поручиться. Тот человек, который смеет так разговаривать с женщиной, с женщиной, которой нужна одна ночь только, чтобы погубить его навеки, — этот человек должен предполагать в этой женщине благородную душу — или быть сумасшедшим. Что вы сваливаете всю вину бедствия вашей страны на меня, да простит вас за это господь всеведущий, который будет судить нас всех, и вас, и герцога, и меня. Но вы оскорбили во мне англичанку, и на такие упреки мое отечество должно отвечать за меня.

Фердинанд (*опершись на шпагу*). Я жду.

Леди. Вы услышите то, чего я кроме вас, никому не доверяла и никому никогда не доверю. Я не авантюристка, Вальтер, за которую вы меня принимаете. Я могла похвастаться и сказать вам, что я царского происхождения. Я из рода несчастного Томаса Норфолка, который пал жертвой за Марию Стюарт. Мой отец, главный камергер короля, был в измене, изменнических сношениях с Францией, осужден решением парламента и казнен. Все наши имения поступили в казну. Нас выселили из страны. Мать моя умерла в день казни, я, четырнадцатилетняя девочка, отправилась в Германию со своей служанкой, захватив с собой шкатулку с драгоценностями и с крестом, который мать моя надела мне на шею, благословляя меня в последний раз.

Фердинанд (*с большим сочувствием смотрит на нее*).

Леди (*продолжает с большим жаром*). Больная, без имени, без помощи, без средств, чуждая, сирота, я приехала в Гамбург. Я ничему не училась; только умела болтать по-французски, играть на рояле; но я зато умела есть из золотых и серебряных блюд; я умела укрываться камчатными одеялами, я умела одним знаком рассылать десятки слуг и слушать льстивые речи самых знатных вельмож. Я проплакала шесть лет. Я продала все свои драгоценности за последнюю булавку. Слуга моя скончалась; и тут, в Гамбурге, судьба свела меня с вальтером герцогом. Я гуляла тогда на берегу Эльбы, устремляла свой взгляд на реку и думала о том, может быть глубже — мое горе или эта река. Герцог увидел меня, начал следить за мной, навестил мою квартиру. Он был у ног моих, он клялся, что любит. (*Останавливается в сильном волнении и продолжает дрожащим голосом*). Все воспоминания моего

счастливого детства пробудились во мне во всем своем обольстительном блеске. Предомыслие открывалась будущность, темная, как могила. Сердце мое горело жаждой любить — и я полюбила. Осуждайте меня теперь!

Фердинанд (*потрясенный бросается к ней и удерживает ее*). Миледи! О, боже! Что я сделал? Я с ужасом сознаю свою вину. Вы не можете меня простить.

Леди (*старается успокоиться*). Слушайте дальше! Хотя герцог овладел моей беззащитной молодостью, вся кровь Норфолков возмутилась во мне. Тайный голос говорил мне: «Ты, Эмилия, урожденная княгиня, как могла ты сделаться любовницей какого-нибудь герцога!» Гордость моя боролась в душе с судьбою, когда герцог привез меня сюда и самые страшные сцены открылись предо мной. Сластолюбие наших вельмож — эта ненасытная гиена, которая с жадностью набрасывается на

свои жертвы... Оно страшно свирепствовало уже в этой стране, оно разъединяло женихов и невест, оно разрывало священные узы брака, нарушало семенное счастье, и открывало бездну пороков юным неопытным сердцам. Многие ученицы, умирая, с пеной на устах проклинали своих учителей. И вот я стала между невинным агнецом и кровожадным тигром; я взяла у него страшную клятву в минуту страсти — и эти жертвы прекратились.

Фердинанд (*ходит по комнате в страшном волнении*). Довольно, миледи, довольно. Леди. Этот грустный период сменился еще более печальным. Двор и гарем кишели разным сбродом из Италии. Ветреные парижанки играли скипетром и народ страдал от их прихотей. Но все они пали в один день. Я низвергла всех, потому что я была самой отчаянной кокеткой из всех.* Я выхватила бразды правления из рук тирана, ослабевшего в моих объятиях. Твоя родина, Вальтер, почувствовала впервые над собой человеческую руку и доверчиво предалась моей власти. (*Молчание. Она глядит на него со страстью*), О, зачем тот единственный человек, мнением которого я дорожу, заставляет меня хвастать и возбуждать его удивление, открывая перед ним всю мою скрытную добродетель! Вальтер, я многих освобождала из тюрьмы, я рвала смертные приговоры, я сокращала не раз ужасное время каторги. Раны заживали благодаря моим стараниям. Могучие

преступники были низвергнуты мной, и я часто спасала невинных наложнической слезой своей. О, юноша!

Как мне было это приятно! С какой гордостью в душе я оправдывалась от всех обвинений моей княжеской крови! И вот является, наконец, тот человек, который должен был вознаградить меня за все — человек, которого, быть может, судьба назначила мне взамен всех моих страданий — тот, которого я обнимала во сне, горя нетерпением...

Фердинанд (потрясенный прерывает ее). Довольно! Это уж слишком много! Это не входило в наши условия, миледи. Вы должны были оправдать себя и делаете из меня преступника. Пощадите — умоляю вас — пощадите это сердце, которое полно стыда и раскаяния.

Леди (сжимая его руку). Теперь или никогда. Слишком долго владела я собой как героиня. Ты должен почувствовать всю тяжесть этих слез. Послушай, Вальтер; если несчастная, в сильном, непреодолимом влечении к тебе, прижимается к твоей груди, полная страстной, бесконечной любви — неужто ты и тогда произнесешь холодное слово — честь?

Если эта несчастная, подавленная чувством стыда, отрекшись от пороков, следуя голосу добродетели, бросится так в твои объятия (обнимая его, торжественно и моля) спасенная тобой, возвращенная тобой небесам, неужели (глухим голосом), ты оттолкнешь ее, чтобы она снова погрузилась в еще более ужасный омут порока?

Фердинанд (стараясь освободиться из объятий). Нет! Ей богу, я не выдержу этого! Миледи, я должен вам сделать признание!

Леди (убегая от него). Не теперь, во имя всего, что для вас свято. Не в эту ужасную минуту, когда сердце мое разрывается от горя. Жизнь ли это для меня, смерть ли. Я не должна, я не хочу слышать.

Фердинанд. Нет, нет, миледи. Вы должны выслушать. То, что я скажу вам, загладит мою вину и будет извинением за прошлое. Я обманул вас, миледи. Я думал, я желал увидеть в вас предмет, достойный моего презрения. Я явился к вам с твердым намерением

оскорбить вас и возбудить вашу ненависть. Как бы мы оба были счастливы, если б мои желания исполнились. (После молчания, тихо, нерешительно). Миледи, я люблю, люблю мещанскую девушку Луизу Миллер, дочь музыканта. (Она бледнеет и отворачивается, он продолжает с жаром). Я знаю, чему я подвергаюсь. Но если благоразумие велит умолкнуть страсти, то долг заставляет меня говорить. Я виноват. Я первый нарушил покой ее невинности, я убаюкивал ее блестящими надеждами и вселил в ее сердце бурные страсти и желания. Вы напомните мне о моем роде, происхождении, о принципах моего отца, но я все-таки люблю ее. Мое решение и предрассудок! Посмотрим, что победит — человечность или предубеждение. Вы хотите сказать что-то, миледи.

Леди (с грустью). Ничего, господин Вальтер! Разве только то: что вы губите себя, меня и еще третью.

Фердинанд. И еще третью?

Леди. Мы не можем быть счастливы вместе; мы должны сделаться жертвой опрометчивости отца вашего. Никогда мне не будет принадлежать сердце человека, которого заставили жениться на мне.

Фердинанд. Заставили, леди? Все-таки заставили? Неужто вы возьмете мою руку без сердца? Неужто вы отнимете у девушки человека, в котором заключен весь ее мир? И вы у него отнимете девушку, которая составляет всю его жизнь? Вы, миледи, за минуту пред тем, чудная британка; вы способны на это?

Леди. Я должна (серьезно и с чувством). Страсть моя, Вальтер, уступает моей нежности к вам. Но честь не может сделать вам этой уступки. Наш брак — предмет всеобщего разговора. Все взгляды, все насмешки устремлены на меня. Какой позор для меня быть отвергнутой подданным герцога. Боритесь с отцом своим. Защищайтесь, как можете. Я употреблю все усилия. (Быстро уходит. Вальтер остается в оцепенении, потом быстро убегает).

Сцена IV

Комната музыканта

Миллер, Жена и Луиза входят

Миллер (поспешно входя в комнату). Я это предсказывал.

Луиза (в испуге). Что такое, батюшка? Что?

Миллер (бегая взад и вперед). Дай мне мундир, скорее, я должен предупредить его и белую манишку с манжетами

мне сразу это в голову пришло.

Луиза. Ради самого бога! В чем дело?

Жена. Что такое? Что случилось?

Миллер (дает ей парик свой). Отнеси это сейчас к парикмахеру. Что случилось? (Подбегая к зеркалу). Борода тоже отросла. Что случилось? Что может еще случиться, чертовка? Пошла потеха! Провались сквозь землю!

Жена. Скажите, пожалуйста! Все на меня сваливается!

Миллер. На тебя! Да, проклятая трещотка! А на кого же, если не на тебя! Нынче опять со своим чертовским бароном! Не говорил ли я тебе?

Вурм. Все выболтал.

Жена. Чепуха! Откуда ты взял это?

Миллер. Откуда я взял это? Вон у дверей стоит слуга министра и спрашивает музыканта. **Луиза.** Я пропала! **Миллер.** Уж и ты хороша-то со своими сладкими глазками! Уж это так! Кому черт хочет насолить, у того и рождается красивая дочь! Теперь все ясно! **Жена.** Да почему ты знаешь, что это насчет Луизы? Тебя, быть может, рекомендовали герцогу; он хочет нанять тебя в оркестр...

Миллер (схватывается за палку). Провались сквозь землю! В оркестр! Да, это действительно будет оркестр, когда ты будешь пищать дискантом, а я буду выть вместо контрабаса (Падая в кресло). О, господи, боже правый!

Луиза (бледная, как смерть), Батюшка! Маменька! Мне становится вдруг так жутко!

Миллер (вскакивает с места). Пусть этот мошенник только попадется мне в лапы! Пусть попадется, на этом или на том свете. Если я не исколочу его как следует, если я не запечатлею на его коже все десять заповедей, все семь прощений из «Отче наш» и все книги моисеевы и всех пророков...

Жена. Ругайся, ори побольше! Не поможешь этим! Помоги ты, боже правый! Что нам делать теперь? Как быть? Что начать? **Миллер,** говори же ты! (С плачем бежит по комнате).

Миллер. Я сейчас же отправлюсь к министру! Теперь я первый заговорю— все расскажу сам. Ты раньше меня знала об этом. Ты могла предупредить меня. Было время. Девка послушалась бы. Да, нет! Тебе хотелось помаклерствовать, тебе хотелось поймать его! Ты подливала масла в огонь. Позаботься теперь о собственной шкуре. Расхлебывай то, что наварила! Я возьму дочку и марш с ней за границу...

Сцена V

Те же, Фердинанд фон Вальтер

(вбегая в испуге).

Фердинанд. Мой отец приходил сюда?

Луиза. Его отец? О, ужас!

Жена. Президент! Мы погибли!

Миллер (злобно хохочет). Прекрасно! Вот и развязка!

Фердинанд (обнимая Луизу). Ты будешь моей, хоть бы тут небо и ад были в заговоре против нас!

Луиза. Смерть мне суждена, говори. Ты произнес страшное имя. Твой отец...

Фердинанд. Ничего, не бойся; все прошло. Ты опять будешь моей, я снова с тобой; о, дай мне вздохнуть на твоей груди. Это было ужасное мгновение.

Луиза. В чем дело? Ты убьешь меня.

Фердинанд (отступает и многозначительно смотрит на нее). Это было мгновение, Луиза, когда чужой образ стал между нами, когда моя любовь боролась с совестью, когда моя Луиза перестала быть всем для меня.

Луиза (закрывает лицо руками, опускаясь в кресло).

Фердинанд. Нет! Никогда! Это невозможно, миледи. Вы требуете слишком много! Я не могу принести вам в жертву невинность. Нет! Клянусь пред богом! Я не могу нарушить свои клятвы, которые напомнили мне теперь эти глаза! Миледи! Взгляните! Взгляни и ты, злой отец. Мне ли убить этого ангела? Мне ли вселить муки ада в эту божественную душу? (Решительно подходит к ней). Я предам ее на суд

всевышнего, и он скажет мне, грешна ли моя любовь или нет. (Берет ее за руку и подымает с кресла). Успокойся, дорогая моя, ты одержала верх, я вышел победителем из ужасной битвы.

Луиза. Нет, нет! Не скрывай от меня ничего! Произнеси страшный приговор. Ты назвал отца своего, ты назвал леди. Смертный страх находит на меня... Говорят, она выходит замуж.

Фердинанд (*падает к ее ногам*). За меня, несчастная.

Луиза (*после некоторого молчания, тихим, дрожащим голосом и с ужасным спокойствием*). Что же? Чего это я испугалась? Старик-отец не раз говорил мне, но я ему не хотела верить. (*Рыдая, бросается в объятия отца*). Батюшки, вот твоя дочь. Прости ее. Твое дитя не виновато, что этот сон был так прекрасен и пробуждение так ужасно.

Миллер. Луиза! О Боже! Она вне себя! Дочь моя, бедное дитяtko. Проклятие соблюдателю, проклятие тебе, сводня!

Жена (*с воплем кидается на Луизу*). Заслужила ли я это проклятие, дочь моя? Да простит вас господь, барон. Что этот невинный агнец сделал вам? За что вы губите ее?

Фердинанд (*подходит к Луизе в решимости*). Но я уничтожу его интриги. Я порву все эти железные цепи предрассудка, я женюсь как свободный человек и эти низкие душонки испугаются подвигов моей любви. (*Хочет уйти*),

Луиза (*с трепетом идет за ним*). Останься. Куда ты идешь? Батюшка, матушка! Он хочет покинуть нас в эту ужасную минуту.

Жена (*бежит за ним*). Президент может явиться сюда; он будет обижать нашу дочь, он будет оскорблять нас. Господин Вальтер, не покидайте нас.

Миллер (*в бешенстве*). Покидает нас! Конечно. Почему же нет?

Ведь она все отдала ему. (*Одной рукой схватил Луизу,*

а другой — майора). Погодите, милостивый государь!

Вы разве только через нее пройдете, чтобы выйти из моего дома.

Дожидайтесь здесь отца, если вы не трус. Расскажите ему, как вы вкравлись

в ее сердце, обольститель; или же, клянусь богом (Бросая ему дочь, громко и свиреп
раздавить этого несчастного червя, который ради вас покрылся позором.

Фердинанд (ходит по комнате в раздумье). Власть президента велика; права отца — это громкое слово, в нем иногда даже кроется преступление. Он может широко воспользоваться своими правами. Но одна любовь доходит до крайности. Луиза, дай мне руку. Клянусь тебе богом, который не покинет нас в последнюю минуту, что тот момент, который разъединит наши руки, порвет все мои связи с этим миром.

Луиза. Мне страшно! Не смотри на меня. Губы твои дрожат. Как ты страшно повел глазами!

Фердинанд. Нет, Луиза, не бойся, я в своем уме. Это только отвага моя тебя пугает, отвага в решительный момент, когда стесненная грудь должна облегчить себя чем-нибудь ужасным. Я люблю тебя, Луиза, и ты будешь моей. Теперь я иду к отцу. (Сталкивается у дверей с президентом).

Сцена VI

Те же, Президент с толпой слуг

Президент (входя). Он уже здесь! (Все в испуге).

Фердинанд (отступая). В доме невинности.

Президент. Где сын учится покоряться отцу.

Фердинанд. Оставьте это.

Президент (Миллеру). Ты отец?

Миллер. Музыкант Миллер.

Президент (жене). Ты мать?

Жена. Да, мать.

Фердинанд (Миллеру). Отец, уведите дочь, ей грозит обморок.

Президент. Лишняя забота! Я встормошу ее.

(Луизе). С каких пор это вы знакомы с сыном президента?

Луиза. Я никогда этим не интересовалась. Фердинанд Вальтер ходит ко мне с ноября.

Фердинанд. Обожает тебя.

Президент. Он давал вам клятвы?

Фердинанд. Только что самую священную клятву перед богом.

Президент. Я тебе уж сам скажу, когда начать исповедь твоих глупостей. (Луизе). Я жду ответа.

Луиза. Он клялся мне в любви.

Фердинанд. И не нарушит клятвы.

Президент. Неужто я должен велеть тебе молчать? А вы принимали клятвы?

Луиза (нежно). Я отвечала тем же.

Фердинанд. Союз наш заключен.

Президент. Я велю прогнать тебя, эхо. (Луизе). Но он ведь уплачивал вам сполна?

Луиза. Этого вопроса я не совсем понимаю.

Президент (злобно усмехаясь). Нет? Ну, что ж? Я хочу этим сказать, что каждое ремесло основано на золотом фундаменте. Вы тоже, надеюсь, недаром расточали ласки!

Фердинанд (в бешенстве). Дьявол! Что это означает?

Луиза, Господин Вальтер, теперь вы свободны.

Фердинанд. Отец! Добродетель бедняков тоже имеет право на уважение.

Президент (громко смеясь). Ты много требуешь от меня.

Чтобы отец уважал любовницу сына!

Луиза (падает без чувств). О, боже правый!

Фердинанд (замахивается на отца саблей и опускает ее). Отец! Я был обязан вам жизнью! Долг мой уплачен теперь! Я разрешился от всех сыновних обязанностей.

Миллер. Ваше превосходительство! Отец отвечает за ребенка. Я к вашим услугам. Тот, кто называет дочку развратницей, дает пощечину отцу. А за пощечину мы отвечаем тем же, это уж такая у нас такса. Извините.

Жена. Господи, помилуй нас! Теперь и старик уже начинает кричать! Все мы погибли.

Президент. И ты станешь рассуждать, сводник? погоди, мы сейчас поговорим с тобой, сводник.

Миллер. Прошу извинения. Меня зовут Миллер. Я занимаюсь музыкой, а не сводническими делами. Пока еще двор имеет своих поставщиков для них, мещане не станут заниматься ими. Извините, пожалуйста.

Жена. Ради бога! Не губи жены и ребенка!

Фердинанд. Играя такую завидную роль, батюшка, вы бы избавили себя от свидетелей.

Миллер. Я говорю по-немецки и очень ясно. Ваше Сиятельство, вы можете распоряжаться в стране как вам угодно. Но это мой дом. Когда-нибудь с почтением буду кланяться вам, когда придется вручить вам доклад, но теперь я считаю нужным вышвырнуть вон из моей квартиры неотесанного гостя.

Президент (в бешенстве). Что? Что такое? (Подходит к нему).

Миллер. Я только высказал свое мнение, сударь.

Президент. А, мошенник! Тебя упекут в острог из-за твоего мнения. Эй! Позвать полицию! Отца засадить! Мать и развратницу-дочь потащить к позорному столбу. Правосудие поможет моему гневу. Я отомщу за этот позор. Такая дрянь будет расстраивать мои планы! Будет возмущать сына против отца. А, проклятие! Ненависть моя будет наслаждаться вашей гибелью. Все это отродье: и отец, и мать, и дочь — все будет жертвой моей страшной

мести.

Фердинанд. Не бойтесь! Я еще здесь. (Президенту). Не спешите, батюшка. Не употребляйте насилия, если вы сами себя любите. В моем сердце есть еще местечко, которое никогда не знало, что такое отец. Не открывайте его. Президент. Бессовестный, молчи. Не раздражай меня еще более.

Миллер (приходя в себя). Присмотри за дочкой, жена. Я бегу к герцогу. Придворный портной, мне это вдруг пришло в голову, учится у меня играть на флейте. Он мне пригодится у герцога. (Хочет уйти).

Президент. У герцога? Ты, вероятно забыл, что я тот порог, чрез который ты должен перескочить или у которого ты должен пасть. У герцога! Болван! Попробуй-ка, когда ты

заживо погребенный будешь сидеть в подвале, в тюрьме, там, где ночь и ад, там, куда ни свет, ни звуки никогда не проникают. Тогда ты можешь греметь цепями и кричать: «Как я несчастен!».

Сцена VII

Те же и полиция

Фердинанд (подбегает к Луизе, которая падает, как мертвая, с его объятия). Луиза! Помогите! Спасите ее! Ее

ошеломили.

Миллер (берет палку и становится в оборонительное положение).

Жена (падает на колени перед президентом).

Президент. Принимайтесь за дело, во имя герцога. Прочь от этой потаскушки, мальчишка! Ничего, что она в обмороке. Когда ей наденут железное ожерелье, ее разбудят камнями. Жена. Пощадите, Ваше Превосходительство! Пощадите!

Миллер (подымая ее). Преклоняйся пред богом, старая мерзавка, а не перед плутами — меня ведь, все одно уж засадят...

Президент. Ты ошибаешься, мошенник! Для тебя и виселица найдется. (Полицейским). Повторяю вам...

Полицейские (стараятся схватить Луизу).

Фердинанд (подбегая и защищая ее). Кто посмеет? (Защищает ее шпагой). Пусть-ка попробует тот, кто и череп свой продал полиции. Пощадите себя, отец! Не доводите до крайности.

Президент (полицейским). Если вы не хотите потерять свой насущный хлеб, трусы... (полицейские приближаются к ней).

Фердинанд. Тысяча чертей! Прочь, говорят вам! Прочь! Еще раз пощадите себя, отец. Не доводите меня до крайности.

Президент (полиции). Таково ваше усердие, негодяи? (Они, осмелев, подходят к Луизе).

Фердинанд. Если уж до этого дошло, (обнажает шпагу и ранит одного полицейского), то да простит меня господь!

Президент. Посмотрим, почувствую ли я эту шпагу. (Берет сам Луизу а передает ее полицейским). Уведите ее.

Фердинанд. Отец! Она будет стоять у позорного столба вместе с майором, сыном президента. Вы все еще настаиваете?

Президент. Тем забавнее будет картина! Прочь с ней!

Фердинанд. Я брошу к ее ногам свою шпагу, отец. Вы еще настаиваете?

Президент. Шпага твоя и на тебе привыкла стоять у позорного столба? Исполняйте мое приказание'

Фердинанд (берет Луизу и заносит над ней шпагу). Я скорее убью свою супругу, чем позволю вам ее опозорить. Вы все еще непоколебимы?

Президент. Что ж? Заколи ее, если шпага твоя достаточно остра.

Фердинанд, (выпускает Луизу и подымает глаза к небу). Ты, всемогущий, свидетель! Я употребил все человеческие средства, но теперь я должен прибегнуть к

дьявольским. Ведите ее к позорному столбу, а я пока (на ухо президенту) буду рассказывать во всем городе, как можно попасть в президенты (убегает).

Президент (как громом пораженный). Что это? Фердинанд?
Оставьте ее! (Бежит вслед за сыном).

ДЕЙСТВИЕ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ Сцена 1

Зал у президента

Президент и секретарь Вурм входят

Президент. Не удалась наша штука.

Вурм. Я опасался этого, милостивый господин. Принуждение только озлобляет мечтателей, но никогда не делает их

благоразумнее.

Президент. Я больше всего надеялся на этот план. Я так думал, когда, девушка будет опозорена, он, как офицер, должен будет отступить.

Вурм Совершенно верно. Но не следовало доводить дело до позора...

Президент. И все-таки... когда я теперь спокойно об этом думаю... Я не должен был уступить. Это была только угроза, которой он никогда бы не привел в исполнение.

В у р м. Ну, не думайте этого! В раздражении человек способен на всякие глупости. Вы говорили мне, кажется, что господин майор был всегда недоволен вашим правлением. Это понятно. Правила, вынесенные им из академии, мне не особенно нравятся. К чему эти фантастические мечты о величии души, личном благородстве при дворе, где высшая мудрость состоит в том, чтобы уметь, известным образом, быть одновременно великим и малым. Он слишком молод и горяч, чтобы находить удовольствие в медленном, искривленном ходе интриги и только что-нибудь великое или необыкновенное может возбудить его самолюбие.

Президент (с досадой). Поможет ли нашему делу твое умное замечание?

Вурм. Оно укажет нам, Ваше Превосходительство, на раны, а, может быть, и на способ излечения их. Человек с таким характером, извините, не годится ни в друзья, ни во враги. Средства, которыми вы достигли своего возвышения, ему противны. Быть может он, как сын, не хотел до сих пор предать вас. Дайте ему случай сбросить с себя обязанности сына, дайте ему подумать, благодаря вашим частым нападениям на его страсть, что вы для него уже не нежный отец, и сейчас же у него выступят обязанности патриота. Да одна только фантазия — принести эту удивительную жертву правосудию — может его настолько прельстить, что он и отца не пожалеет.

Президент. Вурм! Вурм!... Ты ведешь меня к ужасной пропасти.

Вурм. Напротив, милостивый господин, я хочу вас отвести от нее. Позволяете вы мне говорить откровенно?

Президент (садится). Как осужденный с осужденным.

Вурм. Если я не ошибаюсь, извините меня, вы сделались президентом благодаря гибким придворным интригам, почему же не доверились вы им как отец? Я вспоминаю, как любезно предложили вы своему предшественнику сыграть партию в пикет и дружески распивали с ним в его же доме бургонское в ту самую ночь, когда мина должна была вспыхнуть и взорвать этого добряка на воздух. Зачем показали вы своему сыну врага? Никогда не следовало бы ему знать, что мне известны его любовные интрижки. Вы могли бы прекратить роман со стороны девушки и таким образом сохранить за собой сердце сына. Вы должны были бы поступить, как умный генерал, который нападает не на центр вражеских сил, а разбивает отдельные отряды.

Президент. Как же мог я это сделать?

В у р м. Простейшим образом — и дело еще не совсем проиграно. Оставьте вы на некоторое время свои отцовские чувства и не ведите борьбы со страстью вашего сына:

всякое противодействие усиливает ее. Предоставьте вы мне вывести на ее же огне червя, который пожрет ее.

Президент. Это интересно!

В у р м. Или я плохо знаю барометр любви, или майор так же страшен в ревности, как и в любви. Нужно его заставить заподозрить девушку в измене. Одного грана дрожжей достаточно, чтобы привести в разрушительное брожение целую массу.

Президент. Но где взять этот гран?

В у р м. Скажите мне, милостивый государь, насколько опасно для вас дальнейшее упорство майора? Насколько опасно для вас покончить роман с этой мещанкой и привести в исполнение ватин намерения относительно леди Милфорд?

Президент. Ты еще спрашиваешь Вурм? Все мое влияние в опасности, если только расстроится эта партия, а если я буду принуждать майора, я рискую головой.

В у р м (весело). Теперь, будьте милостивы, послушайте меня! Майора мы опутаем хитростью. Против девушки вооружимся мы всем вашим влиянием. Мы продиктуем ей любовное письмо к третьему лицу и передадим его как-нибудь майору.

Президент. Глупая фантазия! Будто она так легко согласится подписать свой смертный приговор!

В у р м. Она непременно это сделает, если только вы предоставите мне право свободно действовать. Я отлично знаю ее доброе сердце. У нее только два больных места, которыми мы сможем овладеть ее совестью — отец ее я майор. Последний останется совсем в стороне. Тем свободнее сможем мы действовать с музыкантом.

Президент. Например?

В у р м. После того, как вы мне говорили, что произошло в его доме, нет ничего легче, как пригрозить отцу процессом. Особа фаворита и хранителя печати есть

некоторым образом тень величества: оскорбления, нанесенные ему, все равно что оскорбление величества. Я этим пугалом прогоню беднягу через ушко иглы.

Президент. Все-таки... дело не должно быть серьезным.

В у р м. Вовсе нет! Нужно только стеснить семью. Мы без шума арестуем музыканта, а для большего страха можно прихватить и мать, будем говорить об уголовном преступлении, эшафоте, о вечном заточении и единственным условием освобождения сделаем письмо дочери.

Президент. Хорошо Хорошо! Я понимаю.

В у р м. Она до безумия, можно сказать, любит отца. Опасность его жизни, в крайнем случае его свободы — угрызения совести, что она подала повод ко всему этому — невозможность принадлежать майору, наконец, туман в голове, о котором я уж постараюсь — это не может иначе быть: она непременно попадется в ловушку.

Президент. Но мой сын? Ведь он может об этом узнать и тогда еще больше взбесится!

Вурм. Предоставьте мне позаботиться об этом. Отец и мать не прежде будут освобождены, чем вся семья поклянется формально держать все это в секрете и подтвердить обман.

Президент. Клятву? Какое же значение может иметь клятва, глупый?

Вурм. У нас она никакого значения не имеет, но у таких людей очень большое... Смотрите, как прекрасно, таким образом, мы оба достигнем своей цели... Девушка теряет любовь майора и свое доброе имя. Отец и мать успокоятся и, пришибленные судьбой, они, в конце концов, почтут за счастье, если я предложу их дочери руку и заглажу таким образом ее позор.

Президент (качает головой и смеется). Ты победил меня, мошенник! Твой замысел сатанински хитер. Ученик превзошел учителя. Теперь вопрос, кому должно быть написано письмо? С кем в связи ее заподозрить?

Вурм. Непременно с таким человеком, который должен все выиграть или все потерять от решения вашего сына.

Президент (после некоторого размышления). Я знаю только гофмаршала.

В у р м. Если бы я был на месте Луизы Миллер, он едва ли пришелся бы мне по вкусу.

Президент. Почему нет? Удивительно! Блестящий гардероб... запах мускуса... за каждое глупое слово куча червонцев... чтобы все это не могло привлечь мещанки? О, милый друг! Ревность не настолько внимательна! Я посылаю за маршалом (звонит).

В у р м. Вы, Ваше Превосходительство, приготовьте приказ об аресте музыканта, а я, между тем, пойду сочинять нужное любовное письмо.

Президент (подходит к письменному столу). Как только изобразишь его, принеси мне прочесть. (Вурм уходит. Президент садится к столу и пишет; входит камердинер, президент передает ему бумаги). Этот приказ об аресте

немедленно отправить в полицию, кто-нибудь другой из вас пусть попросит ко мне гофмаршала.

Камердинер. Господин гофмаршал только что приехал сюда.

Президент. Тем лучше. Принять меры предосторожности при аресте, чтобы не произошло никакого смятения.

Камердинер. Слушаю-с, Ваше Превосходительство!

Президент. Понимаешь? Совершенно втихомолку.

Камердинер. Хорошо, Ваше Превосходительство. (Уходит).

Сцена II

Президент и Гофмаршал

Гофмаршал (скороговоркой). Только en passant, дражайший! Как поживаете? Как себя чувствуете?... Сегодня вечером идет большая опера...великолепнейший фейерверк, целый город запыляет... Вы ведь явитесь полюбоваться зрелищем? Что?

Президент. У меня в доме теперь свой фейерверк, который может взорвать всю мою власть на воздух. Вы явились очень кстати, гофмаршал; помогите мне дельным советом в деле, которое нас обоих может возвысить или же совершенно погубить! Сядьте!

Гофмаршал. Не пугайте меня, мой дорогой!

Президент. Я вам говорю: или возвысить или окончательно погубить. Вы знаете о моем проекте относительно майора и леди. Вы понимаете, конечно, как это необходимо нам с вами, чтобы упрочить наше счастье. Все может погибнуть, Кальб. Мой Фердинанд не хочет.

Гофмаршал. Не хочет... Не хочет... Да ведь я распустил уже по всему городу слух об этом! Все говорят об этом браке.

Президент. Значит, вы можете остаться пред целым городом лугом. Он любит другую.

Гофмаршал. Вы шутите. Да разве это может служить помехой?

Президент. С таким упрямым— самая непреборимая помеха.

Гофмаршал. Неужели же он настолько легкомыслен, что отталкивает от себя свое счастье? Что?

Президент. Спросите его и послушайте, что он вам ответит.

Гофмаршал. Но, mon Dieu! Что же он может ответить?

Президент. Что он хочет всему свету открыть, каким образом мы с вами возвысились, выдать наши фальшивые письма и расписки, одним словом хочет нас обоих погубить — вот что он может ответить.

Гофмаршал. В уме ли вы?

Президент. Это он мне ответил. Он хотел было даже сделать это. Я его еле удержал от этого своим величайшим унижением. Что вы на это скажете?

Гофмаршал (С глупым выражением лица). Теряю голову!

Президент. Это бы еще не беда была! Но мои шпионы доложили мне, что обер-шенк фон Бок намерен посвататься за леди.

Гофмаршал. Я с ума схожу. Кто, говорите вы? Фон Бок, говорите вы? Да ведь мы с ним смертельные враги! А знаете, почему?

Президент. В первый раз слышу.

Гофмаршал. Милейший! Вы выйдете из себя, когда услышите. Вы помните, конечно, придворный бал — это было 21 год тому назад -- на котором в первый раз танцевали I anglaise и графу фон Меригауму испортило домино горячим воском с люстры... Ах, боже! Вы должны помнить об этом!

Президент. Кто же мог бы позабыть это?

Гофмаршал. Видите ли! Во время танцев принцесса Амалия потеряла подвязку. Все, как и следовало ожидать, взволновались. Фон Бок и я — мы были тогда еще камер-юнкерами — лазили по всему залу в поисках за подвязкой. Наконец я увидел ее; фон Бок заметил это — бросился ко мне и вырывает ее у меня из рук. Представьте, приносит ее принцессе и лишает, таким образом, меня высочайшей благодарности. Как это вам покажется?

Президент. Это нагло!

Гофмаршал. Лишает меня высочайшей благодарности...

Я едва не упал в обморок. Это неслыханная наглость!

Наконец я опомнился, подошел к Ее Светлости и сказал:

«Ваша Светлость! Фон Бок имел счастье передать Вашей

Светлости подвязку, но кто первый заметил ее,

вознагражден одним этим и молчит».

Президент. Браво, маршал! Брависсимо!

Гофмаршал. И молчит... Но я не забуду этого фон Боку

до страшного суда... низкий, подлый лстец! И это еще не все... Когда оба бросились на пол к подвязке, Бок стер у меня на правой стороне головы всю пудру, и я был погублен на весь бал.

Президент. И этот человек женится на Милфорд и займет первое место при дворе!

Гофмаршал. Вы вонзаете мне нож в сердце.

Будет первым? Будет? Но зачем это? Ведь нет нужды в этом!

Президент. Мой Фердинанд не хочет, и никто другой пока не явился.

Гофмаршал. Но разве у вас нет никакой возможности заставить майора согласиться? Мы должны решиться даже на самое низкое средство, лишь бы только не допустить проклятого Бока до этого.

Президент. Я знаю только одно средство, и оно в ваших руках.

Гофмаршал. В моих руках? Что же это за средство?

Президент. Нужно разлучить майора с его возлюбленной.

Гофмаршал. Разлучить? Что вы думаете этим? И каким образом я могу это сделать?

Президент. Все пойдет отлично, если он узнает, что девушка ему изменяет.

Гофмаршал. То есть, что она крадет, думаете вы?

Президент. Да нет! Как мог бы он этому поверить?

Что она в связи с другим — вот что он должен о ней узнать!

Гофмаршал. А кто этот другой?

Президент. Им должны быть вы, барон!

Гофмаршал. Я? Я?... А она дворянка?

Президент. К чему это? Что за мысль?... Она дочь музыканта.

Гофмаршал. Значит мещанка? Это неприлично! Что?

Президент. Какое там неприлично? Глупости! Кому придет в голову спрашивать у девушки с круглыми щеками

о ее происхождении?

Гофмаршал. Но подумайте, ведь я женат, да к тому же моя репутация при дворе!

Президент. Это дело иное. Простите меня.

Я до сих пор не знал, что для вас важнее считаться вполне нравственным человеком, чем пользоваться влиянием.

Прекратим это дело!

Гофмаршал. Будьте же благоразумны, барон! Я вас плохо понял.

Президент (*холодно*). Нет... Нет! Вы совершенно правы. Да к тому же я устал. Желаю счастья, фон Боку, пусть делается премьером. Свет велик. Я подам в отставку.

Гофмаршал. А я?... Вам хорошо! Вы получили образование! А я... топ Влеи! Что я стану делать, если Его Светлость отставит меня?

Президент. Вы будете, вчерашним bonmot, устаревшей модой.

Гофмаршал. Заклинаю вас, дорогой мой, золотой! Задушите в себе эту мысль! Я на все согласен.

Президент. Позвольте вы воспользоваться вашим именем для rendez-vous, которое назначит вам письменно эта Миллер?

Гофмаршал. Господи, боже мой! Да!

Президент. И вы выроните где-нибудь это письмо так, чтобы оно попало на глаза майору?

Гофмаршал. Хорошо! Я выроню его на параде вместе с носовым платком, как будто нечаянно.

Президент. И будете держаться роли любовника пред майором?

Гофмаршал. Mort de mavié! Я ему задам! Уж этот дерзкий перестанет мешать моим амурам.

Президент. Значит, все прекрасно. Письмо должно быть еще сегодня написано. Вы сегодня вечером явитесь ко мне, получите его, и мы условимся с вами относительно вашей роли.

Гофмаршал. Как только сделаю 16 чрезвычайно важных визитов, сейчас же явлюсь к вам. Простите, что я ухожу так скоро. *(Идет)*.

Президент *(звонит)*. Я рассчитываю на ваше умение, маршал!

Гофмаршал *(оборачивается)*. Ах, mon Dieu! Вы, ведь меня знаете.

Сцена III

Президент и Вурм

В у р м. Музыкант и его жена тихо, без всякого шума арестованы. Не прочтете ли теперь, Ваше Превосходительство, письмо?

Президент *(прочитав письмо)*. Отлично, отлично секретарь! Маршал попался на нашу удочку тоже. Такой яд может само здоровье превратить в гнойную проказу. Теперь нужно отправиться с предложениями к отцу, а затем немедленно к дочери.

(Идут в различные стороны).

Сцена IV

Комната в квартире Миллера

Луиза и Фердинанд

Луиза. Прошу тебя оставь. Я не верю больше в счастье. Все мои надежды погибли.

Фердинанд. А мои увеличились. Мой отец раздражен, он призовет против нас свои орудия. Он вынудит меня сделаться бесчеловечным сыном. Я не думаю больше о сыновней обязанности. Бешенство и отчаяние заставят меня открыть тайну его преступления. Сын предаст своего отца в руки палача... это величайшая

опасность... да величайшая опасность и должна быть, так как моя любовь осмеливается на исполинский скачок... Слушай, Луиза! Мысль, великая и неизмеримая, как моя любовь, теснится мне в душу... Ты, Луиза, и я, и любовь!... Не заключается ли в этом круге все мое небо? Или тебе еще что-нибудь четвертое нужно?

Луиза. Перестань. Ни слова больше. Я страшусь того, что ты хочешь сказать.

Фердинанд. Ведь мы никаких требований не заявляем свету, зачем же нам вымаливать у него согласие? К чему смелость там, где ничего нельзя выиграть, и все может быть потеряно? Разве эти глаза не будут одинаково страстно блестеть, если они будут отражаться в Рейне, Эльбе или в Балтийском море? Мое отечество там, где меня любит Луиза. Твои следы в дикой песчаной пустыне мне приятнее соборов моей родины... Нам не придется видеть пышности городов! Куда бы мы ни попали, повсюду одинаково восходит и заходит солнце—зрелище, перед которым бледнеет высший полет искусства. Если мы не будем иметь храма, где бы мы могли молиться Богу, ночь окружит нас священной тьмою, перемена месяца укажет нам время покаяния и вместе с нами будет молиться святая церковь звезд,, Могут ли быть исчерпаны разговоры любви? Улыбки моей Луизы достаточно будет для столетий, и, пока я буду тщательно исследовать эти слезы, сон жизни исчезнет.

Луиза. Разве кроме твоей любви у тебя нет никаких обязанностей?

Фердинанд (*обнимает ее*). Твое спокойствие для меня священнее всего.

Луиза (*очень серьезно*). В таком случае, замолчи и оставь меня. У меня есть отец, которого все состояние — его Луиза. Ему скоро будет 60 лет... месть президента обрушится на его голову.

Фердинанд (*быстро перебивает ее*). Он отправится с нами.

Поэтому никаких противоречий больше, Луиза. Я пойду сейчас, превращу в деньги свои драгоценности, займу еще на имя моего отца. Ограбить грабителя не грешно. Разве его сокровища не выжаты из отечества? — Ровно в полночь подъедет сюда экипаж. Вы сядете в него... и мы бежим.

Луиза. А проклятие твоего отца за нами? Проклятие, безумный, которого даже убийца не выговаривает бесплодно, которое увеличивает месть неба преступнику во время казни, которое немилосердно будет гнать нас, проклятых, от моря к морю? Нет, мой возлюбленный! Если только благодаря преступлению я могу тебя сберечь для себя, то во мне еще хватит сил потерять тебя.

Фердинанд (*стоит и мрачно бормочет*). В самом деле?

Луиза. Потерять!... О, бесконечно ужасна эта мысль... достаточно ужасна, чтобы поразить душу и заставить

побледнеть цветущую радость. Фердинанд! Тебя потерять!
Да! Мы можем потерять только то, что принадлежит нам,
а сердце твое принадлежит твоему положению. Мои
требования были святотатством, и я с ужасом отрекаюсь от них.
Фердинанд. Отрекаешься? Луиза. Нет! Посмотри на
меня, Вальтер! Не скрежещи так зубами. Дай мне
оживить твою умирающую бодрость своим примером.
Позволь мне быть героиней этого мгновения — подарить отцу
отказавшегося сына — отказаться от союза, который
пошатнул бы права мещанского мира и уничтожил бы
общий вечный порядок. Я — преступница. Я скрывала в
душе дерзкие, глупые желания. Мое несчастье будет моим
наказанием; оставь же ты мне, по крайней мере, сладкий,
приятный обман, будто это моя
жертва. Ты не откажешь мне в этом наслаждении?
Фердинанд *(расстроенный а взбешенный схватывает
скрипку и пробует играть на ней, затем рвет струны,
разбивает инструмент об пол и громко смеется)*.

Луиза. Вальтер! Ради самого неба! Что это значит? Опомнись! В этот час
нужна бодрость духа... ведь это час разлуки. В тебе есть сердце, дорогой
Вальтер. Я это знаю. Как жизнь, горяча твоя любовь и безгранична она, как
неизмеримая вселенная. Подари ее благородной и более достойной... она

едва ли станет завидовать после этого счастливейшим из своего пола *(сдерживает
слезы)*. Меня ты больше не должен видеть. Пустая, обманутая девушка выплачет
свое горе в одиноких стенах! О ее слезах никто не станет печалиться. Пусто и мертво
мое будущее. Но все-таки я буду вдыхать время от времени аромат от букета своего
прошлого. *(Отвернувшись, протягивает ему свою дрожащую руку)*. Прощайте,
господин фон Вальтер.

Фердинанд *(приходит в себя)*. Я бегу, Луиза! Неужели же
ты в самом деле не хочешь бежать со мной?

Луиза *(садится в глубине комнаты и закрывает лицо руками)*. Мой долг велит
мне остаться и терпеть.

Фердинанд. Змея, ты лжешь. Тебя что-нибудь другое
удерживает здесь.

Луиза *(тоном глубочайшего внутреннего страдания)*. Оставайтесь при этой
мысли... быть может она уменьшит ваше страдание.

Фердинанд. Холодный долг вместо пламенной
любви! И я
поверю этой сказке? Любовник удерживает
тебя здесь, и горе вам обоим, если только
мое подозрение подтвердится.
(быстро уходит).

Сцена V

Луиза сама

Луиза (*остаётся некоторое время на стуле, затем встает и озирается со страхом*). Где это до сих пор родители? Отец обещал скоро вернуться, а уже прошло пять полных ужасных часов... А если с ним случилось несчастье... Что это со мной? Чего это мне так трудно дышать? (*В это время входит в комнату Вурм и остаётся в глубине, незамеченный ею*). Ничего нет... Это не что иное, как только ужасная игра разгоряченной крови... Глаза видят во всех уголках мертвецов, если только душа наша один раз почувствовала ужас.

Сцена VI

Луиза и секретарь Вурм

В у р м (*подходит ближе*). Добрый вечер, фрейлин!

Луиза. Боже! Кто говорит здесь? (*она оборачивается и, заметив секретаря, испуганно отступает назад*). Ужасно! Ужасно! Мое ужасное предчувствие сбывается. (*К. секретарю с полным презрения взглядом*). Ищете вы, может быть, президента? Его здесь уже нет.

Вурм. Я вас ищу! Луиза. В таком случае удивляюсь, что вы не отправились на площадь

Вурм. Почему именно туда? Луиза. Чтобы снять свою невесту с позорного столба.

Вурм. Мамзель Миллер! Ваше подозрение совершенно напрасно падает на меня...

Луиза. Что вам угодно?

В у р м. Я прислан сюда вашим отцом.

Луиза (*пораженная*). Моим отцом?... Где же мой отец?

В у р м. Где он не совсем охотно сидит...

Луиза. Ради бога! Живее говорите! Мною овладевает страшное предчувствие... Где мой отец?

В у р м. В тюрьме, если вам угодно знать.

Луиза (*обращает взор к небу*). И это еще! И это!... В тюрьме? За что же?

Вурм. По приказанию герцога.

Герцога?

Луиза. Герцога?

Вурм. Который, за оскорбление наместника...

Луиза. Что? Что? О, великий Боже!

Вурм. Решил наказать его жестоко-

Луиза. Только этого еще не доставало! Конечно, конечно, для моего сердца кое-что кроме майора дорого... этого нельзя было

пощадить... Оскорбление величества... Небесное провидение!

Спаси! Спаси мою гибнущую веру в тебя!... А Фердинанд?

В у р м. Ему предстоит выбрать или леди Милфорд, или же проклятие и лишение наследства.

Луиза. Ужасная свобода! Однако... он все-таки счастливее меня. Он не имеет отца, которого он мог бы потерять. Впрочем, не иметь отца уже достаточно несчастье! Мой отец обвинен в оскорблении величества. Моему милому предоставлено на выбор — или леди, или проклятие и лишение наследства... Действительно, достойно удивления! Совершенная низость все-таки совершенство. Совершенство? Нет! Еще кое-чего недостает... Где моя мать?

В у р м. В рабочем доме.

Луиза (с полной страдания улыбкой). Теперь все!... Все! И я свободна... освобождена от всяких обязанностей... слез... радостей... Вы мне больше не нужны (*Страшное молчание*). Имеете вы, может быть, еще какую-нибудь

новость? Продолжайте говорить. Теперь я все могу выслушать.

В у р м. Что случилось, вам известно.

Луиза. Значит, ничего больше не случится? (*Пауза, во время которой она окидывает взглядом секретаря с ног до головы*). Жалкий человек! При твоём ремесле счастье для тебя невысказано. Делать людей несчастными — уже достаточно ужасно, но извещать их об этом несчастье — мерзко... быть при том, как окровавленное сердце дрожит в железных тисках необходимости. Спаси меня, боже! И даже если ты за каждую каплю ужаса, внушаемого тобой, получаешь по куче золота — я не хотела бы быть на твоём месте... Что же ещё может случиться?

В у р м. Я не знаю.

Луиза. Вы не хотите знать! Эта страшная весть боится звука слов, но в мертвенном спокойствии вашего лица проглядывает привидение... Что же ещё? Вы только что сказали, что герцог хочет его строго наказать?

Что значит по-вашему строго?

В у р м. Не спрашивайте меня больше.

Луиза. Слушай! Ты учился, видно, у палача. Иначе как же бы ты сумел сначала осторожно

прикоснуться железом к разбитым членам и затем как бы сжалиться над трепещущим сердцем? Что ждет моего отца? Смерть в том, что ты говоришь со смехом, каково же должно быть то, что ты таишь в себе? Говори. Дай мне сразу узнать эту тяжкую новость. Что ждет моего отца?

В у р м. Криминальный процесс.

Луиза. Что же это такое? Я, ведь, ничего не знающее, невинное существо, мало понимаю ваши страшные латинские слова. Что это такое — криминальный процесс?

В у р м. Суд на жизнь и на смерть.

Л у и з а. Благодарю вас! *(спешит в боковую комнату).*

В у р м *(стоит пораженный).* Что это такое? Предпринимает эта дура что-нибудь? Черт! Она ведь не... поспешу за ней... я отвечаю за ее жизнь *(хочет бежать за ней).*

Луиза *(возвращается в мантилье).* Извините, секретарь. Я запираю комнату.

В у р м. Куда это вы так спешите?

Луиза. К герцогу *(хочет идти).*

В у р м. Что? Куда? *(удерживает ее испуганно).*

Луиза. К герцогу. Разве вы не слышите? К самому герцогу, который хочет судить моего отца на жизнь и на смерть... Нет! Не хочет, а должен, должен судить, потому что несколько злодеев хотят этого. Он ничем, как только своим величеством и подписью, не участвует в этом процессе об оскорблении величества.

В у р м *(смеется слишком громко).* К герцогу!

Луиза. Я знаю, над чем вы смеетесь..., но я вовсе и не надеюсь найти там сострадание... Боже меня избави! Мне говорили, что великие мира сего еще не знают, что такое несчастье

— не хотят знать этого. Я хочу ему сказать, что такое несчастье; представлю ему в корчах смерти такое несчастье; своими страшными столами я покажу ему, что такое А когда у него от этого рассказа волосы дыбом станут, я прокричу ему еще раз над

ухом, что в смертный час земные боги так же хрипят как все, что пред страшным судом цари и нищие равны. *(Хочет идти).*

В у р м *(злобно).* Идите! Идите! умнее вам и не придумать. Совам, идите, и даю вам слово, что герцог окажет снисхождение.

Луиза (*внезапно останавливается*). Что вы говорите?
Вы сами советуете (*быстро возвращается*). Гм! Чего же еще?
Это, верно, нечто ужасное, так как этот человек мне советует, знаете, что герцог окажет снисхождение?

В у р м. Потому, что он не даром это сделает.

Луиза. Не даром. Какую же цену может он назначить за свое помилование?

В у р м. Хорошенькая просительница — достаточная плата.

Луиза (*стоит в оцепенении, потом восклицает*). Великий боже!

В у р м. Надеюсь, эта плата не слишком велика за спасение отца?

Луиза (*ходит по комнате*). Да! Да! Это правда! Они ограждены, ваши великие — ограждены от истины своими пороками. Пусть бог поможет тебе, отец! Дочь твоя может умереть за тебя, но не согрешить.

В у р м. Это было бы новостью для бедного, оставленного старика. «Моя Луиза» говорил он мне, «повергла меня в несчастье». «Моя Луиза меня спасет от него». Бегу, мамзель, принести ему ваш ответ. (*Хочет будто уйти*).

Луиза (*спешит за ним, удерживает его*). Останьтесь! Останьтесь! Будьте терпеливы! Как проворен этот сатана, когда хочет с ума свести человека! Я его повергла в несчастье. Я должна его спасти. Говорите! Советуйте! Что могу я сделать? Что должна я?

В у р м. Есть одно только средство.

Луиза. И это единственное средство?..

В у р м. Ваш отец также желает...

Луиза. И мой отец? Что же это за средство?

В у р м. Это для вас очень легко.

Луиза. Для меня нет ничего тягостнее позора.

В у р м. Вы должны отказаться от майора.

Луиза. От его любви? Вы смеетесь надо мной? Вы предоставляете моей воле то, к чему я вынуждена?

Вурм. Вы не поняли меня. Майор должен первый и добровольно отказаться от вас.

Луиза. Он не согласится.

Вурм. Это только так кажется. Реве' прибегли бы к вашей помощи, ведь бы не вы одни могли помочь в этом?

Луиза. Разве я могу его заставить возненавидеть меня?

Вурм. Мы попытаемся. Садитесь.

Луиза. Что ты задумал?

Вурм. Сядьте и пишите! Вот бумага, чернила и перо.

Луиза *(садится в тревоге)*. Что мне писать? Кому мне писать?

Вурм. Палачу вашего отца.

Луиза. О! Ты умеешь мучить души людей, *(берет перо)*.

Вурм *(диктует)*. «Милостивый государь».

Луиза *(пишет дрожащей рукой)*.

Вурм. «Уже прошло три долгих дня как мы с вами не виделись».

Луиза *(кладет перо)*. Кому это письмо?

Вурм. Палачу вашего отца.

Луиза. О! Боже!

Вурм. «Берегитесь вы майора, который стережет меня целые дни, как Аргус».

Луиза *(вскакивает)*. Неслыханная низость. Кому это письмо?

Вурм. Палачу вашего отца.

Луиза *(ломает руки)*. Нет! Нет! Нет! Это жестоко, о небо! Наказывай людей по-человечески, если они тебя раздражают, но за что же попала я меж двух ужасов? За что колеблешь ты меня между смертью и позором? За что осаждало ты мне на голову этого кровожадного дьявола? Делайте, что хотите. Я никогда не напишу этого.

Вурм (*берет шляпу*). Как вам угодно, mademoiselle! Это вполне в вашей воле.

Луиза. В моей воле, говорите вы? В моей воле? Уйди, варвар! Повесь несчастного над адской пропастью, попроси его о чем-нибудь и спроси, годно ли ему это. О, ты слишком хорошо знаешь, что сердце наше, как будто цепями, приковано природными привязанностями. Все равно!

Диктуйте дальше! Я больше не думаю. Я уступаю коварному аду (*вторично садится*).

В у р м «Целый день стережет, как Аргус» Написали уже?

Луиз а. Дальше! Дальше!

Вурм. «Вчера был у нас в доме президент. Забавно было смотреть, как добрый майор защищал мою честь»

Луиза. О, прекрасно, прекрасно! Но продолжайте дальше!

В у р м. «Я представилась, будто падаю в обморок, чтобы не рассмеяться:».

Луиза. О, небо!

В у р м. «Я не в состоянии дольше притворяться. Если бы только я могла от него освободиться»...

Луиза (*останавливается, встает и ходит по комнате, опустив голову, как будто ищет что-то на полу; затем она садится и пишет дальше*). «Могла освободиться».

Вурм. «Завтра будет он занят. Заметьте, когда он уйдет от меня и приходите в известное вам место». Написали?

Луиз а. Да!

Вурм. «В известное вам место к нежно любящей вас Луизе».

Вурм. «Господину Гофмаршалу фон Кальб».

Луиза. Господи! Это имя так же чуждо моему слуху, как эти постыдные строки моему сердцу! (*Она встает и долгое время смотрит на написанное,*

наконец протягивает письмо секретарю и говорит слабым голосом). Возьмите, в ваших руках теперь мое честное имя — мой Фердинанд—все счастье моей жизни. Я — нищая!

Вурм. О вовсе нет! Не падайте, милая фрейлен! Я сочувствую вам. Быть может... Кто знает? Я бы на

некоторые вещи и сквозь пальцы мог смотреть... Право! Ей богу! Мне вас жаль!

Луиза (*пронизывает его своим взором*). Не говорите всего. Вы можете себе еще пожелать что-нибудь ужасное.

Вурм. (*хочет поцеловать ее руку*). А если бы я пожелал этой хорошенькой руки?

Луиза. Я задушила бы тебя в брачную ночь и позволила бы с радостью казнить себя за это. (*Хочет уйти, быстро возвращается*). Кончили мы? Может теперь голубка улететь?

Вурм. Еще одна пустая вещь! Вы поклянетесь, что признаете это письмо добровольно написанным.

Луиза. Боже! Боже! (*Вурм уводит ее*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена I

Зал у президента

Входят —

Фердинанд фон Вальтер с *открытым письмом* и камердинер

Фердинанд. Был здесь маршал?

Камердинер. Господин майор(Вас спрашивает господин президент.

Фердинанд. Черт тебя побери! Я спрашиваю, был ли здесь маршал?

Камердинер. Они изволят сидеть теперь за карточным столом.

Фердинанд. Он должен во имя самого ада сейчас придти сюда (*камердинер уходит*).

Сцена II

Фердинанд — *один, просматривает письмо и то останавливается, то бежит в бешенстве по комнате.*

Фердинанд. Это невозможно! Может ли под такой небесной оболочкой скрываться такое дьявольское сердце?... А все-таки, все-таки!... Это все-таки ее рука... Неслыханный, ужасный обман, какого еще человечество не слышало! Так вот почему она так решительно отказалась бежать! Вот почему... О, боже! Только теперь я просыпаюсь, только теперь становится для меня все ясно! Так вот почему отказывалась она с таким героизмом от всяких прав на мою любовь! Я чуть было не был обманут этим небесным лицом! *(Начинает еще скорее ходить по комнате, яшии останавливается в задумчивости)*. Так хорошо меня знать! Откликаться на всякое смелое чувство, на всякое волнение, на всякий жгучий порыв! Понимать самые неуловимые звуки моей души! Сопровождать меня на крутейшие вершины страсти, встречать меня у каждой крутизны... Боже! Боже! И это все обман? Обман? И ложь имеет такой невинный вид? Когда я сказал ей, в какой опасности наша любовь, с как притворством побледнела она! С каким ' достоинством перенесла она дерзкие оскорбления моего отца, а ведь в это время она чувствовала себя виновной! Разве она не выдержала последнего испытания своей правоты? Обманщица упала в обморок. Как станешь теперь оправдываться, невинность? И развратницы падают в обморок. Она знает, что она со мной сделала. Она видела всю мою душу. В моих глазах отразилось мое сердце, когда я краснел от первого поцелуя. А что она ощущала? Она ощущала, быть может, торжество своего искусства? Я в своем счастливом безумии хотел видеть в ней свое небо, и мои самые дикие желания молчали! Я думал только о вечности, о ней... боже! И она при этом ничего не ощущала? Ничего не чувствовал! кроме того, что ее намерения удаются? Нечего кроме уверенности в своей красоте? Смерть и мщение! Ничего, кромее того, что я обманут?

Сцена III Гофмаршал и Фердинанд

Гофмаршал *(входит в комнату)*. Вы, кажется, выразили желание, милейший...

Фердинанд *(про себя)*. Сломать шею негодяю. *(Громко)*. Маршал, вы обрели это письмо на параде, и я *(созлобным смехом)*, к счастью, нашел его.

Гофмаршал. Вы?

Фердинанд. Благодаря забавной случайности. Проститесь с жизнью.

Гофмаршал. Вы видите, как я испуган, барон!

Фердинанд. Читайте! Читайте! *(отходит от него)*. Если я плох, как люто, быть может, буду лучше как сводник. *(В то время, как маршал встает, Фердинанд подходит к стене снимает с нее два пистолета)*.

Гофмаршал *(бросает письмо на стол и. хочет убежать)*. Проклятье!

Фердинанд *(ведет его за руку обратно)*. Терпение, дорогой маршал! Ведь, как мне кажется, известия приятны! Я хочу получить плату за свою находку. *(Показывает ему пистолеты)*.

Гофмаршал *(пораженный отступает назад)*. Будьте же благоразумны, милый.

Фердинанд *(громким, страшным голосом)*. Я достаточно благоразумен, чтобы такого негодяя, как ты, отправить на тот свет. *(Дает ему пистолет и берет свой носовой платок)*. Берите! Держите за конец этот платок! Я получил его от развратницы.

Гофмаршал. Через платок? Вы с ума сошли? Что вы это выдумали?

Фердинанд. Держи за этот конец, говорю я! Иначе ты напрасно будешь стрелять, трус! Как дрожит этот трус! Благодарю бога, трус, что у тебя в первый раз хоть что-нибудь будет в голове. *(Гофмаршал хочет убежать)*. Успокойтесь! Прошу вас! *(обгоняет его и запирает дверь)*.

Гофмаршал. В комнате, барон!

Фердинанд. Стоит ли ради тебя отправляться за город? Здесь это будет громче, а это, верно, будет первый шум, сделанный тобой на свете. Начинай!

Гофмаршал *(оттирает себе лоб)*. Неужели же вы хотите рисковать вашей драгоценной жизнью, вы — еще молодой, полный надежд, человек?

Фердинанд. Начинай, говорю я. Ям больше нечего делать здесь на этом свете.

Гофмаршал. Но у меня-то есть, но у меня то есть мой неоцененный!

Фердинанд. У тебя, глупец!

Моментально семь раз съезживаться и семь раз вытягиваться в струнку, как мотылек на игле? Я поведу тебя лучше с собой как редкого зверя. Как ручная обезьяна будешь ты плясать при крики проклятых, будешь прислуживать всеятым своим придворным искусством вечное отчаяние. **Гофмаршал.** Все, что прикажете! Все, что угодно, барон! Но только уберите пистолеты!

Фердинанд. Как он перепугался, бедняга! Ты, кажется, создай на позор! Жаль только, жаль очень той унции мозга, которая помещается в твоём неблагодарном черепе! Эта унция могла бы сделать павиана человеком, а теперь она нарушает только разум. И с таким человеком о«а делит свое сердце? Ужасно! Непростительно! С человеком, который создан скорее отучить от греха, чем склонить к нему.

Гофмаршал. Слава богу! Он острит!

Фердинанд. Я смиляюсь над ним. Терпимость, которая шадит гусеницу, пусть пощадит также и его. Но *(снова с бешенством)* эта гадина не должна прикоснуться к моему цветку, или я ее *(схватывает маршала и трясет его)* вот так, вот так раздавлю.

Гофмаршал *(вздыхает)*. О боже! За сотни миль отсюда, в Bicetre в Париже я предпочел бы быть, чем здесь с ним.

Фердинанд. Негодяй! Если она уже потеряла невинность. Негодяй! Если ты вкусил уже от того, пред чем я благоговел!*(внезапно умолкает, затем грозно)*. Лучше было бы для тебя, негодяй, попасть в ад, чем на небе встретиться с моим гневом! Как далеко зашло у тебя дело с девушкой? Сознаться!

Гофмаршал. Я все вам открою.

Фердинанд. О, гораздо приятнее, верно, предаваться разврату с этой девушкой, чем с другой мечтать. Если бы только она захотела развратничать— она понизила бы цену души. *(Приставляет к груди маршала пистолет)*. Какдалеко зашло у тебя с ней? Сознаться или я выстрелю!

Гофмаршал. Ничего не было. Вовсе ничего не было. Будьте только немного терпеливее. Вы обмануты.

Фердинанд. И ты напоминаешь мне об этом, злодей? Как далеко зашло у тебя с ней дело? Сознаться, или я тебя убью!

Гофмаршал. Mon Dieu! Мой боже! Да я ведь говорю!...
выслушайте только... ее отец... ее родной отец...

Фердинанд. Свел тебя со своей дочерью? И как же далеко зашло у тебя с ней дело? Я убью тебя, если ты не признаешься.

Гофмаршал. Вы в бешенстве. Вы ничего не слушаете. Я ее никогда даже не видел. Я ее совершенно не знаю. Я ничего о ней не знаю.

Фердинанд *(отступает назад)*. Ты ее не видел? Не знаешь ее? Ничего о ней не знаешь? Эта девушка из-за тебя погибла, а ты одним духом трижды отказываешься от нее?

Прочь, негодяй! *(ударяет его пистолетом и выталкивает из комнаты)*. Для таких, как ты, нет пороха!

Сиена IV

Фердинанд

Фердинанд *(после долгого молчания с искаженным от злости лицом)*. Погибла! Да, несчастная! Я погиб, и ты тоже погибла! Да! Клянусь богом, если я погиб, то ты тоже погибла! Всемогущий боже! Не бери ее от меня! Девушка принадлежит мне. *(смотрит в угол)*. Целую вечность быть связанным с ней на колесе проклятия, глазами впившись в глаза, с поднятыми дыбом волосами, чтобы наши стоны могли сливаться вместе... И тогда-то повторить свои нежности и напомнить ей ее клятвы! Боже! Боже! Этот союз ужасен, но вечен *(хочет быстро уйти, то в это время входит президент)*.

Сцена V Президент и Фердинанд

Фердинанд *(отступает назад)*.

О! Отец!

Президент. Очень рад, что мы встретились, сын мой. Я пришел сказать тебе кое-что приятное, что тебя, наверное, поразит. Сядем, Фердинанд *(долго смотрит на него пристально)*. Отец! *(с волнением подходит к нему и берет его за руку)*. Отец! *(целует его руку и падает перед ним на колени)*. О, отец!

Президент. Что с тобой, мой сын? Встань. Рука твоя вся в огне и дрожит...

Фердинанд *(с чувством)*. Простите меня за мою неблагодарность, отец! Я погибший человек! Я плохо ценил вашу доброту! Вы заботились обо мне как добрый отец... О! У вас пророческая душа... теперь уже слишком поздно... Простите! Простите! Благословите меня, отец!

Президент. Встань, сын мой! Опомнись! Ведь ты говоришь загадками.

Фердинанд. Эта Миллер, отец... О! Вы хорошо знаете людей... Ваше бешенство было тогда так справедливо, так благородно, так отцовски горячо... Жаль только, что ваше отцовское усердие не достигло своей цели. Эта Миллер!...

Президент. Не мучь меня, мой сын. Я проклиная свою суровость! Я пришел сюда помириться с тобой.

Фердинанд. Со мной мириться! Проклясть меня... Ваше порицание было мудростью... Ваша суровость — небесным состраданием... Эта Миллер, отец!..

Президент. Благородная, милая девушка. Мое подозрение было слишком необдуманно и поспешно. Я ее теперь уважаю.

Фердинанд *(вскакивает пораженный)*. Как? И вы?... Отец?... И вы?... Не правда ли отец, она воплощенная невинность? Как же не полюбить такой девушки!?

Президент. Скажи, что было бы преступлением не любить ее.

Фердинанд. Это неслыханно! Ужасно. Ведь вы видите души людей насквозь! Ведь вы ее ненавидели... Беспримерное притворство!... Эта Миллер, отец?...

Президент. Достойна сделаться моей дочерью. Я считаю ее добродетель за предков, а красоту — за богатство. Мои правила уступают твоей любви... Она твоя!

Фердинанд (*бросается вон из комнаты*). Только этого еще не доставало! Прощайте, отец (*уходит*).

Президент. Погоди! Погоди! Куда ты спешишь? (*уходит*).

Сцена VI *Великолепный зал у леди*

Леди и Софья *входят*

Леди. Значит, ты ее видела? Придет она?

Софья. Сейчас же. Она была в домашнем костюме и хотела только переодеться.

Леди. Не говори мне ничего о ней... Молчи... Как преступница дрожу я, что увижу счастливицу, которая чувствует так ужасно гармонично с моим сердцем. Как же она встретила это приглашение?

Софья. Она, казалось, была поражена, задумалась, посмотрела на меня удивленными глазами и замолчала. Я было приготовилась уже выслушать какую-нибудь отговорку, когда она, посмотрев на меня взглядом, который меня очень удивил, сказала: «Ваша госпожа приказывает мне то, о чем я хотела завтра сама просить».

Леди (*беспокойно*). Оставь меня, Софья. Пожалей меня. Я должна буду краснеть, если она обыкновенная женщина, и робеть, если она нечто большее.

Софья. Но, миледи., Разве это не каприз — принимать свою соперницу у себя? Вспомните, кто вы! Призовите на помощь ваше происхождение, ваш ранг, ваше могущество. Своим гордым, прекрасным взором вы еще более возвысите ваше гордое сердце.

Леди, (*рассеянно*). Что за глупости говоришь ты?

Софья (*злобно*). Или может быть это случайно сегодня на вас самые дорогие ваши брильянты? Случайно на вас ваше великолепнейшее платье, ваша приемная кишит гайдуками и пажами, и вы ждете мещанку в лучшем зале вашего дворца?

Леди (*ходит по комнате; с горечью*). Невыносимо, что у женщин та--кие зоркие глаза для женских слабостей! Как

глубоко, как глубоко я уже пала, если такое низкое существо понимает меня.

Камердинер (*входит*). Мамзель Миллер.

Леди (*к Софье*). Уйди, ты! Прочь! (*Софья медлит*). Уйди! Я приказываю! (*Софья уходит. Леди ходит по залу*). Отлично! Очень хорошо, что я взволнована! Я именно этого хотела! (*к камердинеру*). Мамзель пусть войдет! (*Камердинер идет. Она бросается на софу и принимает небрежную позу*).

Сцена VII

Луиза Миллер (*входит и останавливается в отдалении; леди повернулась к ней спиной и рассматривает ее некоторое время в напротив стоящем зеркале*).

Луиза. Миледи, я жду ваших приказаний.

Леди (*поворачивается к Луизе и наклоняет только немного голову, холодно*). А! Вы здесь? Вы верно мамзель... как вас зовут?

Луиза. Миллер — зовут моего отца, а ваша милость посылали за его дочерью.

Леди. Отлично! Отлично! Вспоминаю... дочь бедного музыканта, о которой недавно была речь. (*Про себя, после некоторой паузы*). Очень интересна, но все-таки не очень красива (*громко к Луизе*). Подойдите ближе, дитя мое! (*снова про себя*). Глаза эти, верно, немало пролили слез... Как хороши эти глаза! (*снова громко*). Ближе, ближе, милое дитя! Ведь вы меня не боитесь?

Луиза. Нет, миледи. Я презираю мнение толпы.

Леди (*про себя*). Смотри-ка! Это упорство у нее от него (*громко*). Мне вас рекомендовали, мамзель. Вы, ведь, кое-чему учились и вообще умеете жить. Конечно. Я должна этому верить. Я не взяла бы весь мир за то, чтобы заставить солгать такого горячего защитника.

Луиза. Однако, миледи, я никого не знаю, кто бы взял на себя труд отыскать мне покровительницу.

Леди (*взволнованно*). Кто бы взял на себя труд для вас или для покровительницы?

Луиза. Для меня это слишком уж высоко, миледи!

Леди. Однако в вас больше плутовства, чем можно было ожидать, судя по вашему открытому взгляду. Ваше имя кажется, Луиза? А сколько вам лет, если только это не нескромный вопрос?

Луиза. Шестнадцать исполнилось.

Леди (*быстро встает*). Теперь все ясно! Шестнадцать лет? Первое биение этой страсти! Первый серебристый тон на нетронутом рояле. Нет ничего приятнее. Сядьте, дитя мое, вы мне очень нравитесь. Он тоже любит в первый раз. Что удивительного в том, что лучи утренней зари слились? (*дружески берет ее руку*). Решено. Я хочу составить ваше счастье, милая... Это только сладкий, но скоро исчезающий сон (*треплет Луизу по щеке*). Моя Софья выходит замуж. Вы займете ее место... Шестнадцать лет! Это не может быть долговременно.

Луиза (*целует ее руку*). Благодарю за милость, миледи, но принять ее не могу.

Леди (*с раздражением*). Вишь ты, какая важная дама! Девушки вашего сословия считают за счастье найти себегоспод. Чего же вы хотите, моя дорогая? Разве эти пальцы слишком нежны для работы? Или, может быть, вы отказываетесь благодаря своему красивому лицу?

Луиза. Мое лицо, миледи, принадлежит мне так же мало, как и мое происхождение.

Леди. Или, может быть, вы думаете, что это никогда не кончится? Бедное создание, кто вбил вам это в голову, воспользовался, верно, и тем и другим - кто бы он ни был. Этот румянец на щеках не вечен. Что вам кажется в зеркале массивным и вечным — всего лишь тонкая непрочная позолота, которая рано или поздно останется в руках вашего возлюбленного. Что же мы тогда будем делать?

Луиза. Жалеть возлюбленного, миледи, который купил алмаз только потому, что он казался оправленным в золото.

Леди (*не обращает внимания на ее слова*). Девушки ваших лет имеют всегда два зеркала — настоящее и своего поклонника. Приятная сговорчивость последнего поправляет неприятную откровенность первого. Одно говорит, что лицо изрыто оспой, а другой — что это ямочки граций. Вы, легкомысленная, верите первому в том, что вам сказал второй и бросаетесь от одного к другому, пока не перепутаете наконец слова того и другого... Чего вы смотрите так на меня?

Луиза. Простите, миледи! Мне жаль стало этого великолепного, дорогого рубина, не знающего, что его обладательница так против тщеславия.

Леди (*краснеет*). Не уклоняйтесь, в сторону, насмешница! Что кроме вашего красивого лица может вас удержать занять место, на котором только вы и сможете научиться светским манерам, где вы отделаетесь от ваших мещанских предрассудков?

Луиза. И от своей мещанской невинности, миледи?

Леди! Глупости! Самый распушенный негодяй слишком робок для того, чтобы заподозрить нас в чем-либо позорном, если мы ему не дадим повода на то. Покажите вы им, кто вы. Держите только себя с честью и достоинством, и никто не сможет и не станет вас соблазнять.

Луиза. Извините меня, миледи, я сомневаюсь в этом. Дворцы известных дам служат часто убежищем самых гадких увеселений. Кто бы поверил, что в дочери бедного скрипача хватит геройства броситься в середину заразы и не бояться при этом ее? Кто мог бы поверить, что леди Милфорд чувствует вечные угрызения совести, тратит деньги только для того, чтобы иметь право ежеминутно краснеть! Я откровенна миледи. Приятно ли было бы для вас видеть меня, когда вы отправляетесь на какое-нибудь удовольствие? Снесли бы вы это, возвратившись? О, лучше, лучше пусть разделяют нас земли, пусть между нами моря разольются! Подумайте, миледи! Могут настать часы отрезвления, минуты изнурения... Змеи раскаяния могут растерзать вашу душу, и тогда... что за пытка будет для вас видеть в лице своей горничной тихое спокойствие, каким награждается обыкновенно невинное сердце *(отступает шаг назад)*. 'Еще раз, миледи. Простите меня.

Леди *(в сильном волнении расхаживает)*. Невыносимо, что она мне говорит это! Еще более невыносимо, что она права! *(подходит к Луизе и смотрит ей пристально в глаза)*. Не перехитрите вы меня! С таким жаром не высказывают своих убеждений. Сквозь эти правила проглядывает более жгучий интерес, от которого вам особенно неприятно служить у меня, от которого вы так разгорячились *(с угрозой)*. Я все открою!

Луиза *(с благородством)*. А если даже откроете? Если пробудите вашим толчком обиженного червяка, которого создатель дал жало для защиты? Я не боюсь вашего мщения, леди! Бедной грешнице, присужденной к смерти, *сравно, хотя бы погиб весь мир. Мое несчастье уже настолько велико, что искренность моя его не может увеличить. *(После некоторой паузы, серьезно)*. Вы хотите поднять меня из пыли моего происхождения. Я не стану разбирать эту подозрительную милость. Я позволю себе спросить вас только

одно: что дало вам повод, миледи, считать меня глупой настолько, чтобы краснеть от своего происхождения? Что дало вам право предлагать себя в создательницы моего счастья, прежде чем вы еще знали, захочу ли я принять изваших рук свое счастье? Я отреклась навсегда от радостей мира сего. Я простила моему счастью его быстротечность. Зачем напоминаете вы мне о нем опять? Если сам бог скрывает свои лучи от своих же созданий, чтобы высший серафим не ужаснулся от своего затмения — зачем люди настолько жестоко милосердны? Как же это, миледи, так, что ваше хваленое счастье молить о зависти и удивлении у несчастья? Или вам для полноты вашего счастья нужно непременно видеть отчаяние? О, пожелайте мне в таком случае ослепнуть, ибо только одна слепота могла бы меня примирить с моей несчастной участью. Ведь насекомое чувствует себя также счастливым в капле воды, как если бы оно было в раю, пока ему не расскажут о морях,

где плавают флоты и киты! Вы желаете мне счастья, миледи? *(после некоторой паузы подходит к леди и быстро ее спрашивает)*. А вы сами, миледи, счастливы? *(Леди, пораженная, отступает от нее, Луиза следует за ней и кладет ей руку на грудь)*. Так же ли весело у вас на сердце, как выражает это ваша внешность? И если бы теперь нам предстояло обменяться сердцем на сердце и судьбой на судьбу, если бы я в своей детской простоте спросила бы вас, как мать, по совести, посоветовали бы вы мне такую мену?

Леди *(в волнении падает на софу)*. Неслыханно! Непостижимо! Нет! Девушка! Нет! Это величие у тебя не врожденное, для отца оно слишком юношеское. Не обманывай меня! Я слышу в твоих словах другого учителя...

Луиза *(смотрит ей прямо в глаза)*. Удивляюсь, миледи, что вы только теперь вспомнили об этом учителе, а между тем уже прежде приготовили для меня место.

Леди *(вскакивает)*. Это невыносимо! Да! Ведь мне все равно не увернуться от тебя. Я знаю его... я все знаю... знаю больше, чем бы следовало *(внезапно умолкает, потом со злобой, которая переходит постепенно в неистовство)*. Но осмелюсь, несчастная... осмелюсь теперь продолжать его любить или быть им любимой! Что говорю я? Осмелюсь только думать о нем или заставлять его о тебе думать... Я могущественна, несчастная... страшно могущественна... клянусь богом! Ты погибла!

Луиза *(твердо)*. И без спасения, миледи, если только вы принудите его полюбить вас.

Леди. Я понимаю тебя, но он не должен меня любить! Я одержу победу над этой постыдной для меня страстью, я подавлю порывы своего сердца и раздавлю твое. Я поставлю между вами пропасти и скалы, как фурия станупосередине вашего рая, мое имя будет пугать ваши поцелуи, как привидение преступников; твое цветущее лицо завянет в его объятиях, как мумия,

рушится в них... я не могу быть с ним счастлива... но и ты не должна быть счастлива. Знай это, несчастная! Разрушить счастье — тоже, ведь счастье!

Луиза. Вы лишены уже, миледи, этого счастья. Не клевете на свое сердце. Вы не способны сделать то, чем вы так грозно пугаете меня. Вы не способны мучить существо, не причинившее вам никакого страдания, и чувства которого так одинаковы с вашими. Но я люблю вас, миледи, за этот порыв.

Леди (*приходит в себя*). Где я? Где я была? Что я говорила? Кому я говорила? О, Луиза! благородная, великая, раз божественная душа! Прости безумную... Ни одного волоска не трону я на тебе, милое дитя. Желай! Требуй! Я буду тебя на руках носить, буду твоей подругой, твоей сестрой... ты бедна... смотри (*снимает с себя несколько драгоценностей*). Я продам свои украшения... продам гардероб, лошадей, экипажи... я все это отдам тебе, только откажись ты от него!

Луиза. Смеется она надо мной, несчастной, или она в самом деле не принимала участия в этом варварском деле? А! Значит, я могу считать себя героиней и сделать свое бессилие заслугой. (*Она стоит некоторое время в задумчивости, затем подходит ближе к леди, берет ее за руку и смотрит пристально*). Берите его, миледи! Добровольно уступаю я вам человека, которого рвали от моего окровавленного сердца адскими крюками. Быть может, миледи, вам неизвестно, что вы разрушили рай двух любящих, разъединили два сердца, соединенных богом; вы погубили существо, близкое ему так же, как и вы, созданное им для радостей так же, как и вы, которое прославляло его так же, как и вы, но больше никогда уж не будет прославлять... Леди! До слуха всеведущего долетают последние судороги растоптанного червя... Он не может быть равнодушен, что в его руках убивают души! Теперь он ваш! Теперь, миледи, берите его! Спешите в его объятия! Тащите его к алтарю... Но, не забывайте, что между вашим свадебным поцелуем встанет привидение самоубийцы... Боги умилятся надо мной!.. Иначе я не могу поступить (*бросается вон из комнаты*).

Сиена VIII

Леди одна

Леди (*стоит пораженная и вне себя, обратив взгляд на дверь, через которую выбежала Миллер; наконец она выходит из своего оцепенения*). Что это было? Что случилось со мной? Что сказала эта несчастная?... Еще, о небо! Еще до сих пор режут они мой слух, эти страшные, проклинаящие меня слова: «Возьмите его! Кого, несчастная? Подарок твоего предсмертного хрипения — ужасное завещание твоего отчаяния? Боже! Боже! Так ли уж низко я пала — неужели я так внезапно уже сброшена со всех тронов моей гордости.

что даже соглашаюсь в томительном голоде выжидать подачки от великодушия нищей в ее предсмертную минуту? Возьмите его! Каким тоном это сказано было! Каким взглядом! А! Эмилия! Неужели же ты затем преступила границы своего пола? Затем стремилась к прекрасному имени великой британки, чтобы все это пышное здание твоей чести погибло перед высшей добродетелью заброшенной мещанки? Нет! Гордая несчастливица! Нет! Эмилия Мил-форд может позволить

себя пристыдить, но опозорить — никогда! И во мне хватит сил отказаться от него! *(ходит туда и назад величественно)*. Скройся от меня теперь мягкая, слабая женственность! Удалитесь вы сладкие, золотые образы любви... Одно только великодушие будет моим спутником!.. Или эта любящая пара погибла, или Милфорд должна отказаться от всех своих прав и исчезнуть из сердца князя! *(после некоторой паузы, с оживлением)*. Стряслось! Страшное препятствие удалено — разорвана всякая связь между мной и герцогом, вырвана из моего сердца эта бешеная любовь! Я бросаюсь в твои объятия, добродетель! Прими же кающуюся дочь Эмилию! Ах! Как хорошо мне! Как легко, как отраднo стало мне сразу! Величественно, как заходящее солнце, сойду я сегодня с высоты своего величия, моя власть умерла вместе с моей любовью, и только мое сердце будет сопровождать меня в гордое изгнание. *(Решительно подходит к столу)*. Это сейчас нужно покончить — тут же на месте, прежде чем прелести любимого юноши смогут возобновить во мне кровавую борьбу. *(Садится и пишет)*.

Сцена IX

Леди, Камердинер, Софья, а затем гофмаршал и все слуги

Камердинер. Гофмаршал фон Кальб в приемной с поручением от герцога.

Леди *(пишет в волнении)*. Эта княжеская кукла испугается. Конечно! Эта фантазия довольно хороша, чтобы заставить растеряться его светлейший мозг. Все его придворные закружатся. Вся страна взволнуется.

Камердинер и Софья. Гофмаршал, миледи!

Леди *(оборачивается)*. Кто? Что? Тем лучше! Эти люди созданы только для того, чтобы распускать слухи. Он очень кстати приходит. *(Камердинер уходит)*.

Софья *(подходит ближе со страхом)*. Если бы я не боялась, миледи, что это смелость с моей стороны... *(Леди продолжает писать)*. Мамзель

Миллер выбежала вне себя из зала... Вы в волнении... Разговариваете сами с собой... *(Леди продолжает писать)*. Я боюсь, не случилось ли чего?

Гофмаршал *(входит и отвешивает поклоны, обернувшись к нему спиной леди: так как она его не замечает, он подходит ближе, становится за ее стулом и целует кончик ее платья; с робостью говорит)*. Светлейший...

Леди *(пробегая письмо)*. Будет упрекать меня в черной неблагодарности... Я была оставлена... Он вывел меня из бедности... из несчастья! Страшный обмен! Разорви свои счета соблазнитель! Мой вечный позор заплатил за них с лихвой!

Гофмаршал *(напрасно обходит леди со всех сторон, стараясь обратить на себя внимание)*. Вы, миледи, кажется, сегодня немного расстроены... Я возьму на

себя смелость... *(очень громко)*. Его Светлость изволил пристать меня спросить вас, миледи, будет ли сегодня вечером собрание или ненецкая комедия?

Леди *(встает со смехом)*. Одно из двух мой ангел. А пока поднесите на десерт вашему герцогу это письмо! *(К Софье)*. Ты, Софья, прикажи запрягать и собери весь мой гардероб в этот зал.

Софья *(уходит встревоженная)*. О небо! Я предчувствую что-то! Что это еще будет?

Гофмаршал. Вы разгорячены, миледи!

Леди. Тем меньше, значит, буду лгать... Ура, гофмаршал! Есть вакантное место. Отличное время для сводников *(в то время как маршал поглядывает на записку)*. Прочтите, прочтите! Я хочу, чтобы содержание этой записки было всем известно.

Гофмаршал *(читает, в это время собираются в глубине сцены слуги леди)*. «Ваше Сиятельство! Условие, нарушенное вами так легкомысленно, не может меня больше связывать. Условием моей любви было счастье вашей страны. Три года длился обман. Повязка спала с моих глаз. Мне противны знаки милости, послужившие причиной несчастья ваших поданных. Подарите вы свою любовь, на которую я больше не в состоянии отвечать вам, вашей несчастной стране и научитесь от британской принцессы щадить свой немецкий народ. Через час я буду за границей.

Иоанна Норфолк.»

Все слуги *(пораженные говорят между собой)*. За границей?

Гофмаршал *(кладет испуганно письмо на стол)*. Избави боже, милая леди! Вы думаете, что у меня так же, как у вас, чешется шея?

Леди. Вот вы о чем заботитесь! К сожалению, я знаю, что вам подобных за передачу известий о том, что сделали другие, предают смерти! Я бы посоветовала запечь записку в паштет, так чтобы Его Светлость нашел ее на своей тарелке...

Гофмаршал. Ciel! Какая смелость! Опомнитесь, миледи! Подумайте: ведь, вы, таким образом, можете впасть в немилость, миледи!

Леди (*обращается к собравшимся слугам и говорит, тронутая*). Вы поражены, добрые люди, ждете с трепетом, как разрешится эта загадка? Подойдите ближе! Вы честно и хорошо служили, чаще заглядывали мне в глаза, чем в кошелек; ваше послушание было для вас удовольствием, вашей гордостью — моя милость! Воспоминание о верности совпадает с воспоминанием о моем унижении! Печальная участь — считать самыми тяжкими днями своей жизни те, которые были для вас счастливейшими! (*со слезами на глазах*). Я отпускаю вас, мои дети. Леди Милфорд не существует больше, а Иоанна Норфолк слишком бедна, чтобы уплатить ее долги. Мой казначей разделит между вами все, что у него есть. Беднейший из вас выйдет отсюда богаче своей госпожи. (*Она протягивает руки, которые те с состраданием целуют*). Я понимаю вас, мои добрые... Прощайте! Прощайте навеки! Я слышу стук подъехавшей кареты. (*Вырывается от слуг и хочет бежать, маршал преграждает ей путь*). А! Вы все еще здесь, жалкий человек!

Гофмаршал (*все время бессмысленно смотрящий на записку*). И я должен передать это письмо Его Светлости в его собственные светлейшие руки?

Леди. Жалкий человек! Да, в ЕГО светлейшие руки. Доложи также его светлейшим ушам, что я не могу отправиться босиком в Лоретте, а потому я постараюсь, работая поденно, смыть с себя позор, что я управляла им. (*Быстро уходит. Все остальные очень возбужденные расходятся*).

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната музыканта

Сумерки

Сцена I

Луиза молча и неподвижно в темном углу комнаты, опустив го. на руки. После долгого безмолвия входит Миллер с фонарем в тревожно светит и озирается и, не метив Луизы кладет шляпу на и ставит фонарь.

Миллер. Здесь ее тоже нет. Нигде е ее нет. Я бегал по всем улицам, был у всех знакомых, спрашивал у всех ворот — нигде не видели моего ребенка. (*Помолчав некоторое время*). Терпи, бедный, несчастный отец. Жди до завтра. Быть может, твоя единственная дочь приплывет к берегу. Боже, боже! Как я любил ее! Это наказание слишком жестоко! О, Владыко небесный как это жестоко! Я не ропщу, но наказание слишком жестоко! (*Падает в глубокой в глубокой скорби на стул*).

Луиза. Ты прав, бедный старик. Учись терпеть заранее.

Мил л е р. Ты здесь, дитя мое? Ты здесь? Но к чему ты так уединилась и сидишь в темноте?

Луиза.. Я не одна. Когда вокруг меня темно ко мне являются мои любопытные гости.

Миллер. Господь спаси тебя! Только червь
угрызения совести просыпается вместе с филином.
Грешники и злые духи

боятся света.

Луи з а. И вечность, отец, которая разговаривает с
душой без свидетелей.

Милл е р. Дитя, дитя! Что это ты говоришь?

Луиза (*встает и выходит вперед*). Я тяжело боролась, батюшка, он это знает. Господь дал мне силу. Борьба кончилась. Батюшка, говорят, что наш пол слаб и хил. Не верьте этому батюшка, мы, может быть, боимся паука, но смерть, это страшное чудовище, не пугает нас. Я вам сообщаю это, батюшка, смотрите, как ваша Луиза вдруг повеселела.

Миллер. Слушай, дочь моя, твои слезы менее пугали бы меня, чем твоя радость.

Луиза. Как я его перехитрю, батюшка, как я обману тирана. Любовь хитрее злости и отважнее. Этого не знал бедный человек. О, они очень хитры, когда имеют дело только с умом. Но как только начинают связываться с сердцем, и злодеи становятся глупы. Он думал укрепить свой обман клятвой? Клятвы связывают только живых, но смерть нарушает даже святыи узы клятв. Фердинанд узнает свою Лу; Хотите передать ему эту записку, батюшка, будьте столь добры.

Миллер. Кому, дочь моя?

Луиза. Станный вопрос! Сердце мое и бесконечность недостаточно велики, чтобы вместить в себя единственную мысль о нем. К кому же мне писать кроме него?

Миллер. Слушай, Луиза, я открою письмо.

Луиза. Как хотите, батюшка; но. вы не поймете его. Буквы эти совсем как мертвые тела. Они оживляются только для глаз любви.

Миллер (*читает*). «Ты обманут, Фердинанд! Ужасная подлость порвала союз наших сердец; но страшная клятва связала мне язык, твой отец подослал повсюду шпионов! Но если у тебя хватит мужества, мой дорогой, я знаю такое место, где никакая клятва не имеет силы и куда он не может подослать ни одного сыщика. *(Миллер останавливается и серьезно смотрит ей в глаза)*.

Луиза. Что вы так смотрите на меня, батюшка? Читайте дальше.

Миллер, «Но ты должен иметь

достаточно мужества, чтобы вступить в таинственную сень, где ничто не светит тебе, кроме твоей Луизы и бога. Ты должен придти полный любви, оставить все твои надежды и все твои страстные желания. Там тебе ничего не нужно кроме твоего сердца. Хочешь — приходи, когда колокол кармелитского монастыря пробьет двенадцать. Но если побоишься — вычеркни слово «мужество» из качеств своего пола —• тебя пристыдит девушка». *(Миллер кладет письмо, долго смотрит неподвижным взглядом, потом оборачивается к Луизе и говорит тихим голосом)*. Где же это место, Луиза?

Луиза. Вы не знаете его, вы действительно не знаете, батюшка? Странно! Я так ясно его описала, что сразуможно понять. Фердинанд его найдет. Миллер. Гм! Говори ясней. Луиза. Я не могу найти для него приятного названия. Не пугайтесь, батюшка, если я назову его гадким именем. Это место — ах, отчего не любовь назначала имена! Она дала бы ему наилучшее название. Это место — но только не прерывайте меня, батюшка, это место — могила.

Миллер *(покачнувшись, хватается за кресло)*. О, боже!

Луиза. Перестаньте, батюшка, это слово кажется вам страшным, отгоните его и вы увидите брачное ложе, озаренное золотыми лучами, покрытое весенними пестрыми цветами. Только самый страшный грешник представляет себе смерть в виде скелета. Смерть — это красивый ребенок, такой же прелестный, как мы себе рисуем бога любви, но не такой коварный... это тихий, кроткий гений, который

помогает страннице-душе перешагнуть через ров времени, открывает для нее волшебные замки вечного блаженства, дружелюбно улыбается и потом исчезает. Миллер. Что ты хочешь сделать, дочь моя? Ты хочешь наложить на себя руки?

Луиза. Не называйте это так, батюшка. Исчезнуть из среды, где меня не терпят, удалиться туда, куда меня так сильно влечет — разве это грех?

М и л л е р. Самоубийство — самый ужасный грех, дитя мое, единственный, который нельзя искупить, потому что смерть сопровождает преступление.

Луиза (*стоит недвижима*). Как это страшно! Но ведь смерть не наступает так скоро. Я брошусь в речку, отец и, утопая, буду молить бога о прощении.

Миллер. Это все равно, что раскаяться в воровстве, зная, что его не откроют. Дитя, дитя! Не хули бога в минуту, когда он тебе нужен больше всего. Ах! Ты отклонилась от пути истины, ты перестала молиться, и бог покинул тебя.

Луиза. Разве любовь—преступление, батюшка?

Миллер. Любовь к богу никогда не грешна. Ты много горя причиняешь мне, моя родная. Это тяжкое горе сведет меня в гроб. Но я не хочу упрекать тебя. Луиза, ты подслушала меня, когда я вошел, думая, что никто меня не слышит, потому незачем больше скрывать это от тебя. Ты была моим божеством. Слушай, Луиза, если у тебя хватит в сердце места для любви к отцу, ты была бы все для меня, да и теперь я все теряю с тобой. Посмотри, как волосы мои поседели. Наступает время, когда нам нужна любовь наших детей. Неужели ты обманешь меня, Луиза? Неужели ты покинешь твоего отца?

Луиза (*глубоко тронутая, целует его руку*). Нет, батюшка, покидая этот свет, я остаюсь твоей должницей и заплачу свой долг на том свете.

Миллер. Вернись, еще есть время, дитя мое. (*Строго и торжественно*). Встретимся ли мы с тобой на том свете? А... ты бледнеешь. Моя Луиза понимает, что нам не сойтись вместе, что я спешу так, как она. (*Луиза припадает, дрожа от волнения, к его плечу. Он крепко прижимает ее к груди и продолжает умоляющим голосом*). О, дочь моя, падшая, быть может, погибшая для меня. Слушай слова отца твоего. Я не могу уследить за тобой. Отниму я у тебя нож — ты можешь умертвить себя иглой. Спасу я тебя от яда — можешь задушиться ниткою жемчуга. Луиза, Луиза, я могу только предостеречь тебя. Или ты хочешь, чтобы изменчивый призрак ускользнул от тебя на пороге к вечности? Или ты хочешь явиться на суд всевышнего с ложью в устах? Сказать: «Я явилась сюда ради тебя», когда твои грешные глаза искать своего земного идола? А что если тот слабый идол твоего сердца превращенный в червя, как и ты,

обманет твою уверенность, укажет тебе вечное милосердие, и, валяясь у ног твое судии, будет молить его о твоём прощении, которого не мог вымолить для себя. Что тогда? (*громче и выразительнее*). Что тогда, несчастная? (*прижимает ее, смотрит пристально и потом отпускает ее*). Больше я ничего не ЗНАЮ. я не отвечаю за эту душу! Делай, что хочешь! Принеси эту жертву твоему красавцу, дабы все злые духи торжествовали, и все ангелы отступились тебя. Иди, взвали все грехи на душу и еще этот, самый сильный, самый ужасный, а если их тяжесть все еще слишком легка,— пусть мое проклятие пополнит вес. Вот нож — вонзи его в сердце (*громко плачет, хочет убежать*), в сердце отца.

Луиза (*вскакивает и удерживает его*). Остановись, батюшка. Ах! Отчего нежность действует на меня сильнее, чем самая страшная злость! Что мне делать, я не могу, что мне делать!

Миллер. Если поцелуи твоего возлюбленного горят сильнее слез твоего отца— умирай!

Луиза (*после сильной борьбы, с твердостью*). Батюшка, вот моя рука, хочу... Боже, боже, что я делаю! что я хочу делать! Батюшка, я клянусь — горе мне, горе! Грешница, что я делаю! Пусть будет по-твоему! Фердинанд! Бог мой свидетель — я уничтожаю последнюю память о нем. (*Рвется к нему*).

Миллер (*бросается радостно ей на шею*). Вот дочь моя!

Посмотри на меня! Ты лишилась любовника, но зато осыпала отца. (*Обнимаем ее, плача и смеясь*). Дитя, дитя мое! Я не достоин этого счастья! Моя Луиза, моебожество! О боже! Я ведь мало смыслю в любви, но что должно быть страшно мучительно прекратить любить — это я понимаю.

Луиза. Но покинем эту страну, батюшка, прочь из этого города, где товарки смеются надо мной, где я утратила навсегда свое доброе имя! Прочь, прочь от этого места, где все напоминает мне потерянное блаженство. Уедем, если возможно!

Миллер. Куда угодно, дочь моя. Везде найдется хлеб для нас и слушатели для моей скрипки. Бросим все! Лира моя будет воспевать наше несчастье, и будет петь о дочери, которая растерзала сердце свое ради отца! Мы будем петь это у всех дверей, и милостыня из рук плачущих будет нам сладка!

Сцена II

Те же и Фердинанд

Луиза. Боже! Вот он опять! Я пропала!

Миллер. Где, кто?

Луиза (показывает на майора и прижимается крепче к отцу). Он! Он сам! Оглянитесь, батюшка, он пришел меня убить!

Миллер. Как? Вы здесь, барон?

Фердинанд *(приближается, смотрит на Луизу упорным пристальным взглядом, после молчания).* Уличенная совесть, спасибо! Признание твое ужасно, но коротко и верно и избавляет от мучения. Добрый вечер, Миллер.

Миллер. Но, ради бога! Что вам надо барон? Что привело вас сюда? Что означает этот приход?

Фердинанд. Я помню время, когда считали секунды до моего прихода, когда тоска ко мне замедляла скорость этих часов, когда она прислушивалась к биению сердца, чтобы узнать минуту моего прихода. Отчего же теперь так удивляются ему?

Миллер. Уходите, уходите, барон. Если в вашем сердце хоть искра человечности, если вы не хотите убить ту, которую, как вы утверждаете, любите, — бегите, не оставайтесь здесь ни минуты. Счастье покинуло мою хижину, с тех пор как вы переступили ее порог. Вы внесли несчастье в мой дом, где раньше знали одну лишь радость. Неужели вам этого недостаточно? Вы еще хотите беречь рану, которую ваше знакомство нанесло моей дочери?

Фердинанд. Станный вы отец! Я ведь пришел сегодня сообщить твоей дочери радостные вести.

Миллер. Новые надежды, которые вызовут новое отчаяние? Уходи, ты приносишь горе, твое лицо показывает твое намерение.

Фердинанд. Наконец исполнились мои желания, леди Милфорд, самая ужасная преграда нашей любви, покинула только что страну. Отец мой одобряет мой выбор. Судьба перестала нас преследовать. Звезда нашего счастья взошла. Я пришел исполнить свое обещание и повести невесту к алтарю.

Миллер. Слышишь, дочь моя? Слышишь, как он издевается над твоими обманутыми надеждами. В самом деле, барон, это достойно обольстителя, изощрять свое остроумие на своем собственном преступлении.

Фердинанд. Ты думаешь, я шучу? Клянусь честью, что нет. Слова мои правдивы, как любовь моей Луизы, и я их сдержу свято, как она свои клятвы. Я не знаю ничего более святого. Ты еще сомневаешься? Краска радости еще не показывается на лице моей красивой супруги? Странно! Ложь вероятно здесь в обиходе, если правде так мало доверяют. Вы не верите моим словам? Так поверьте же этому письменному доказательству. *(Бросает Луизе письмо к маршалу).*

Луиза (открывает его и падает без чувств).

Миллер *(не замечая этого к майору).* Что это значит, барон? Я вас не понимаю.

Фердинанд (*подводит его к Луизе*). Зато вот эта меня отлично поняла. Миллер (*бросается к ней*). О, господи, дочь моя!

Фердинанд. Бледна как смерть! Вот теперь она мне нравится, твоя дочь! Никогда она не была так хороша, твоя честная, набожная дочь, с таким бледным лицом. Дух страшного суда, который срывает покрывало со всякой лжи, сорвал маску, которой эта великая искусница обманывала даже ангелов. Так она лучше всего, это ее настоящее лицо(*хочет подойти к ней*). Дай мне поцеловать ее.

Миллер. Прочь, прочь, не затрагивай сердца отца, юноша. Я не мог остерегать ее от твоих лобзаний, но могу защитить ее от твоих оскорблений. Фердинанд. Что тебе надо, старик? С тобой я не имею никакого дела. Не вмешивайся в дело, которое, очевидно, проиграно, или ты тоже умнее, чем я предполагал? Быть может, ты воспользовался опытностью твоей старости, чтобы руководить любовными делами твоей дочери и осрамил седину сводническим ремеслом? О, если это неверно, несчастный старик, ложись и умирай — еще время. Ты еще можешь уснуть в сладком сознании: «Я был счастливым отцом». Еще одно мгновение — и ты отшвырнешь ядовитую змею в ад, откуда она явилась, проклянешь того, кто тебе ее послал и с проклятием сойдешь в могилу. (*К Луизе*). Говори, несчастная, ты писала это письмо?

Миллер (*намекая Луизе*). Ради бога, дочь, не забывай, не забывай. Луиза. О, это письмо, батюшка! Фердинанд. Да, оно попало туда, куда следует. Я благословляю эту случайность, она больше совершила, чем весь разум, и этот день больше сделает, чем остроумие всех мудрецов! Случайность! Ведь провидение действует, когда воробей попадает в клетку, почему же не содействовать там, где дьявол должен быть изобличен. Я жду ответа, ты ли писала письмо?

Миллер (*с просьбой*). Твердость, твердость, дочь моя, одно единственное «да», и все кончено.

Фердинанд. Хорошо, отлично, отец тоже обманут! Все обмануты. Смотрите, как она стоит, бессовестная. Как язык не хочет повиноваться последней лжи. Клянись богом, единственным, страшным! Писала ли ты это письмо! Луиза (*после долгой борьбы, с ударением*). Да, я его писала.

Фердинанд (*останавливается испуганно*). Луиза, нет! Клянусь душой своей — ты лжешь. Невинность сознается иногда пытке в грехах, которых никогда не совершала. Я слишком резко спросил тебя. Не правда ли, Луиза? Ты созналась только потому, что я так резко говорил с тобой?

Луиза. Я призналась в истине. Фердинанд. Нет, говорю тебе. Нет! Ты не писала, это совсем не твой почерк; а если даже!... Ведь легче подделать почерк, чем испортить сердце!

Скажи правду, Луиза, или нет, не делай этого. Ты могла бы сказать «да» тогда я пропал! Лги, Луиза, лги! О! если б ты могла теперь солгать этим невинным лицом, если б ты могла обмануть мой слух, мой глаз, мое сердце. О, Луиза! Одно слово — и истина исчезает с лица земли, и справедливость со всей своей непреклонностью превращается в придворное подобострастие. Ты писала это письмо?

Луиза. Клянусь богом, единственным. грозным — да!

Фердинанд *(после молчания глубокой скорбью)*. Женщина, это выражение, с которым ты глядишь на меня! Продавай ласки с таким лицом — и даже в аду ты не найдешь охотника! Знаешь ли ты, Луиза, чем ты была для меня? Невозможно! Ты не знаешь, что была все для меня, все! Это слово ничтожно, но вечность едва ли может вместить в себе. Весь мир вокруг вертится. Все! О, как преступно играть этим словом, как ужасно!

Луиза. Вы имеете мое признание,

господин фон Вальтер. Я сама себя осудила. Теперь уйдите! Покиньте дом, где вы были так несчастны.

Фердинанд. Хорошо, хорошо! Ведь я спокоен, спокоен, как страна, по которой пронеслась чума! *(после раздумья)*. Еще одна просьба, Луиза последняя. Голова моя лихорадочно горит, мне нужно освежиться. Не приготовишь ли ты мне стакан лимонада? *(Луиза уходит)*.

Сцена III

Фердинанд и Миллер. *(Оба молчат, рассказывают некоторое время в противоположных концах комнаты)*

Миллер *(наконец останавливается и смотрит печально на майора)*. Быть может, дорогой барон, это может облегчить вам ваше горе, если я сознаюсь, что я вас искренне сожалею?

Фердинанд. Спасибо, Миллер. *(Опять начинает ходить)*. Однако, Миллер, я никак не могу вспомнить, каким образом попал я в ваш дом; что за причины были к этому?

Миллер. Как, господин майор? А ведь вы хотели брать у меня уроки флейте? Разве вы уже это позабыли?

Фердинанд. Я увидел вашу дочь! *(после небольшой паузы)*. Вы, любезный друг, не сдержали своего слова. Мы условились, чтобы никто не мешал нам во время занятий, но вы обманули меня. *(Заметив волнение Миллера)*. Нет, не пугайся, старик. Ты не виноват.

Миллер *(вытирает глаза)*. Это знает всеведущий боже!

Фердинанд *(снова расхаживая по комнате)*. Дивно, очень дивно поступается с нами господь. Часто на тоненьких невидимых нитях висит ужасная тяжесть. Если бы человек знал, что в этом облаке кроется его смерть... Гм! Если бы он знал! *(ходит быстрее, затем схватывает в сильном волнении руку Миллера)*. Я плачу тебе, человек, за твою флейту слишком дорого, но от этого ты ничего не выигрываешь — ты скорее теряешь от этого, теряешь, может быть все. *(Отходит от него угнетенный)*. О, эта несчастная игра на флейте, если бы я ее никогда не знал. Миллер *(старается скрыть свое сочувствие)*. Однако, долго же не несет она лимонаду. Я думаю, следует посмотреть, если только вы позволите.

Фердинанд. Это не к спеху, дорогой Миллер *(бормочет про себя)* особенно для отца не к спеху.. Оставайтесь... Что я хотел было спросить? Да! Луиза у вас единственная дочь? У вас больше нет детей?

Миллер *(с жаром)*. Больше нет у меня, барон, да и не хочу иметь больше. Девушка настолько прекрасна,

что может занять все мое отцовское сердце—я всю свою любовь обратил на дочь.

Фердинанд. А! Посмотрите, пожалуйста, дорогой Миллер, что там с лимонадом. *(Миллер уходит)*.

Сцена IV

Фердинанд один

Фердинанд. Единственное дитя! Чувствуешь ли ты это, убийца? Единственное, убийца! Слышишь ли ты, единственное! И у этого человека нет ничего больше на свете кроме его инструмента и единственного дитяти... Ты хочешь отнять его у него? Отнять? Отнять у нищего последние деньги? Бросить к ногам калеки поломанный его костыль? Как? Неужели же я так бессердечен? И когда он, возвращаясь домой с нетерпением ждет счесть всю сумму своих радостей на лице своей дочери, а вместо того, войдя в дом, найдет ее мертвою—этот цветок найдет поблекшим, мертвым, растоптанным — свою последнюю, единственную надежду ...и он стоит перед ней, а его пораженный взгляд напрасно пронизывает бесконечность, и возвращается еще больше неудовлетворенным... Боже! Боже! Но, ведь, и у моего отца единственный сын...

единственный сын, но не единственное состояние. *(После некоторой паузы)*. Но все-таки? Что же он теряет? Может ли девушка, для которой святейшие чувства любви были только игрушкой, доставить счастье своему отцу? Нет, не может! Я заслуживаю еще благодарность за то, что раздавлю эту ехидну прежде, чем она уязвит своего отца.

Сцена V

Миллер и Фердинанд

Миллер *(возвращается)*. Сейчас вам принесут лимонад, барон. Бедное существо сидит там, на дворе и хочет выплакаться. О! да даст вам выпить вместе с лимонадом и свои слезы.

Фердинанд. Хорошо бы еще, если бы это только слезы были!... Мы, кажется, прежде разговаривали о музыке, Миллер? *(вынимает кошелек)*. Я ведь еще ваш должник.

Миллер. Как? Что? Оставьте, барон! За кого вы меня считаете? Не оскорбляйте меня так, если не хотите, чтобы мы с вами сегодня в последний раз виделись.

Фердинанд. Кто может это знать? Берите. Это за жизнь и смерть.

Миллер *(смеется)*. О, за это барон? Я думаю, вы и на это можете отважиться.

Фердинанд. Чего не делают червь и старость, может сделать один громовой удар. Ваша Луиза, ведь тоже не бессмертна.

Миллер. Она мне богом дана.

Фердинанд. Послушайте, я вам говорю, она не бессмертна. Эта дочь — ваша зеница ока. Вы любите всею душой свою дочь. Будьте осторожны, Миллер. Только отчаянный игрок ставит все сразу на карту. Смельчаком называют купца, который складывает все свое состояние на одном корабле. Обратите внимание на это предостережение... Однако почему же вы своих денег не берете?

Миллер. Что вы? Весь этот кошелек? Бог с вами, веша милость!

Фердинанд. За мой долг. Вот! *(бросает кошелек на стол, так что монеты выпадают)*. Я не могу держаться целую вечность с этой дрянью.

Миллер *(пораженный)*. Что это? Ради самого бога! Это прозвучало не как серебро! *(он подходит к ел и громко вскрикивает)*. Как, ради самого неба, барон! барон! Где вы! Что вы делаете барон? По-моему это сумасшествие! *(всплеснув руками)*. Здесь лежит... или я околдован, или... божье проклятие разразилось надо мною. Я держу теперь в руках

настоящее желтое, живое божье золото. Нет, сатана! Не поймать тебе меня на этом!

Фердинанд. Выпили вы, Миллер, старого или нового вина?

Миллер (*грубо*). Гром и молния! Посмотрите-ка! Золото!

Фердинанд. Что же дальше?

Миллер. Ради самого... я говорю... прошу вас ради самого господа Иисуса Христа... Золото!

Фердинанд. Это действительно нечто необыкновенное.

Миллер (*после некоторого молчания подходит к нему, с чувством*). Милостивый государь! Я прямой, честный человек, если только вы хотите подговорить меня на какую-нибудь

низость. Столько денег, сам бог это ведаёт, нельзя ничем хорошим заработать.

Фердинанд (*в волнении*). Будьте совершенно покойны, дорогой Миллер. Эти деньги вы давно уж заработали, боже избави, меня от необходимости покупать вашу чистую совесть. Миллер (*как полоумный подскакивает вверх*). Значит мое! Мое! С ведома и согласия бога, мое! (*бежит дверям и кричит*). Жена! Дочь! Победа! Сюда! (*возвращается*). Великий боже, Как я сразу разбогател! Чем заслужил я это? Чем заплачу я за это?

Фердинанд. Не своими уроками музыки, Миллер. Этими деньгами плачу я вам (*после некоторой паузы*) затрехмесячный счастливый сон о вашей дочери.

Миллер (*схватывает его за руку и крепко жмет ее*). Милостивый государь! Если бы вы были даже дурным.ничтожным мещанином и моя дочь вас не любила бы, я бы заколол ее. Но теперь я получаю все, а вы ничего; значит, мне придется заплатить за мою радость? А?

Фердинанд. Не беспокойтесь, друг мой. Я уезжаю в страну, где эти вещи совершенно не ценятся.

Миллер (*не отводя глаз, смотрит с восторгом на золото*). Значит это мое? Да? Однако мне очень жаль, что выезжаете. Погодите-ка; каким я теперь буду! Как я располнею! (*одевает шляпу и бежит через комнату*). Я буду теперь давать свои уроки музыки на площади, буду курить лучший табак и чтоб, черт меня побрал, если я соглашусь опять взять место за три баца. (*Хочет уйти*).

Фердинанд. Оставайтесь! Молчи - Спрячьте свои деньги! Только этот вечер молчите и сделайте это для моего удовольствия, не давайте вы больше уроков музыки.

Миллер (*еще с большим жаром крепко хватая его за жилет и со скрытой радостью*). А моя дочь, господин (*опять отпускает его*). Я ел картофель ю курицу и был постоянно сыт; этот сюртук всегда хорош, лишь бы только солнце не заглядывало через рукава. Для меня это все пустяки. Но это благословение снизошло для моей дочери — все, что только она пожелает, в ей доставлю.

Фердинанд. Тише! О, тише!...

Миллер (*все с большим жаром*). Она непременно изучит основательно французский язык, танцы, пение, так чтобы об этом можно было и в газетах прочесть; она будет носить такой же чепец, как все дочери придворных советников. Да! О дочери скрипача будут говорить во всей окрестности.

Фердинанд (*схватывает его руку в сильнейшем волнении*). Ни слова больше! Ни слова! Ради бога, замолчите! Только лишь сегодня молчите! Это единственная благодарность, которой я от вас требую.

Сцена VI

Те же и Луиза с лимонадах

Луиза (*с красными заплаканными глазами, дрожащим голосом, подавая майору на тарелке стакан*). Прикажете переменить, если лимонад недостаточно

крепок,

Фердинанд (*берет стакан, ставит его и быстро поворачивается к Миллеру*). Чуть было не забыл! Не позволите ли вы мне попросить вас кое-о-чем, дорогой Миллер? Не сделаете ли вы мне маленькое одолжение?

Миллер. Тысячу вместо одного! Что вам угодно?..

Фердинанд. Меня будут ждать

к обеду. К несчастью я теперь очень расстроен. Я решительно не в состоянии быть теперь между людьми. Не сходите ли вы к моему отцу, чтобы извиниться за меня?

Луиза (*испуганно*). Я могу пойти.

Миллер. К президенту?

Фердинанд. Не к нему лично. Вы передадите свое поручение камердинеру... Для доказательства того, что вы говорите правду, вот вам мои часы. Я еще буду здесь, когда вы вернетесь. Подождите ответа.

Луиза (*в большом страхе*). Разве я не смогла бы это сделать?

Фердинанд (к Миллеру, который хочет уже идти). Погодите, еще кое-что! Вот письмо к моему отцу, которое я получил сегодня вечером. Быть может неотложные дела... Передайте, пожалуйста.

Миллер. Хорошо, барон! Луиза (удерживает его в страхе). Но, отец, я ведь могла бы все это сделать.

Миллер. Ты одна, а теперь темная ночь, дочь моя. (Уходит).

Фердинанд. Посвети, Луиза, отцу! (в то время как она провожает Миллера со свечой. Фердинанд подходит к столу и бросает яд в стакан с лимонадом). Да, она должна это сделать! Должна! Высшие силы дают мне свое страшное согласие на это, мщение неба подписывает и ее ангел-хранитель оставляет ее.

Сцена VII

Фердинанд и Луиза

Она входит медленно назад со свечой, ставит ее на место и становится подальше от майора, опустив голову, ж только изредка робко и украдкой смотрит на него. Он стоит на другой

стороне и смотрит пристально перед собой в пространство.

(Глубокое молчание).

Луиза. Не хотите ли аккомпанировать мне, господин фон Вальтер? Я сяду к роялю (подходит к роялю жоткрывает его).

Фердинанд (не отвечает ей. Пауза).

Луиза. Мы еще не кончили партию в шахматы. Не хотите ли сыграть господин фон Вальтер?

(опять пауза)

Луиза. Я начала уже вязать сумку для писем, которую я вам, господин фон Вальтер, обещала. Не хотите ли ее посмотреть.

(Опять пауза).

Луиза. О, я очень несчастна!

Фердинанд. Это возможно.

Луиза. Это не моя вина, господин фон Вальтер, что наша беседа не вяжется.

Фердинанд (смеется презрительно). Что же ты можешь поделать против моей робкой скромности?

Луиза. Я отлично знала, что мы не можем теперь оставаться вместе. Я испугалась, сознаюсь в этом, когда вы

отослали моего отца. Господин фон Вальтер, я думаю, что этот момент будет скоро для нас обоих невыносим. Если вы позволите, я пойду пригласить сюда кое-кого из наших знакомых.

Фердинанд. О, сделай это. Я и своих сейчас приглашу.

Луиза (*смотрит на него*). Господин фон Вальтер!

Фердинанд (*очень злобно*). Клянусь честью! Прекраснейшая мысль, какую только имеет человек в моем положении. Мы делаем из этого неприятного дуэта развлечение.

Луиза. Вы сегодня забавны, господин фон Вальтер.

Фердинанд. Очень, так что даже мальчишки бегают за мной на улице. Нет! Серьезно, Луиза! Твой пример наставляет меня на путь истинный — ты должна быть моей учительницей. Глупцы те, кто болтает о вечной любви. Вечно одно и то же — противно, перемена — вот в чем соль удовольствия. Ладно, Луиза! Мы будем переходить от романа к роману, будем катиться из грязи в грязь. Ты в одну сторону — я в другую... быть может, я найду опять свое утерянное спокойствие... Быть может мы потом после веселой жизни — два гниющих скелета — натолкнемся друг на друга и узнаем друг друга по общим семейным чертам как в комедиях и может быть отвращенье и стыд создадут нам гармонию, которая невозможна для самой нежной любви.

Луиза. О, юноша, юноша! Ты уже несчастен, неужели же ты хочешь заслужить еще свое несчастье?

Фердинанд (*злобно бормочет сквозь зубы*). Я несчастен? Кто это тебе сказал? Женщина, ты слишком дурна, чтобы самой чувствовать — как же ты можешь понимать чувства другого? Несчастен, сказала она! О! Это слово вызвало бы даже из могилы мое бешенство! Я должен был сделаться несчастным — она это знала. Смерть и проклятье! Она знала это и все-таки мне изменила. Смотри, змея! Это было единственное пятно прощения. Твое признание сломило тебе шею. До сих пор мог я еще приписывать твоё преступление простоте, ты почти было избавилась от моего мщения благодаря презрению к тебе (*Схватывает стакан*). Значит, ты не была легкомысленна — ты не была глупа — ты не была только дьяволом. (*Пьет*). Лимонад слаб как твоя душа... Попробуй!

Луиза. О небо! Недаром, я боялась этого происшествия.

Фердинанд (*повелительно*). Попробуй!

Луиза (*берет неохотно стакан и пьет*).

Фердинанд (*отворачивается, когда она подносит ко рту стакан, внезапно бледнеет и убегает в дальний комнаты*).

Луиза. Лимонад хорош.

Фердинанд *(не оборачиваясь, дрожа от ужаса)*. На здоровье!

Луиза. О, если бы вы, Вальтер, ли, как ужасно оскорбляете вы мою душу.

Фердинанд. Гм!

Луиза. Придет время, Вальтер...

Фердинанд *(опять приближается)*. О! Со временем будем мы готовы...

Луиза. Сегодняшний вечер слишком тяжело подействовал на ваше сердце...

Фердинанд *(начинает быстрее ходить и становится беспокойнее, затем срывает с себя шарф и саблю)*. Покойной ночи, служба!

Луиза. Мой бог! Что с вами?

Фердинанд. Мне жарко и тесно... хочу себя несколько освободить.

Луиза. Пейте! Пейте! Питье освежит вас.

Фердинанд. О, да, наверное... Развратница эта добросердечна... впрочем, также, как и все.

Луиза *(с выражением любви спешит к нему в объятия)*. Фердинанд! Это ты говоришь своей Луизе?

Фердинанд *(отталкивает ее от себя)*. Прочь! Прочь! Прочь с этими кроткими нежными глазами! Я уничтожен. Страшись, змея, ползи на меня, червь! Хвались предо мной своими ужасными препятствиями, подымай голову к небу... Слишком поздно... Я должен тебя растоптать как ехидну, или отчаяться... Умилосердись!

Луиза! О! Как далеко это уже зашло!

Фердинанд *(сбоку осматривает ее)*. Это прекрасное создание... Кто мог бы этому поверить? Кто поверит? *(схватывает ее за руку)*. Я не ропщу, создатель! Может ли порок развиваться в таком нежном существе? О, это удивительно.

Луиза. Слышать все это и быть вынужденной молчать!

Фердинанд. А этот сладкий, мелодичный голос... Как могут разорванные струны издавать такие приятные звуки? Все так прекрасно... так симметрично... так божественно превосходно! Возможно ли, чтобы этот возмутительный урод родился без пороков? *(быстро оставляет ее)*.

Луиза. О, это ужасное упрямство! Он предпочитает касаться неба, чем сознаться в своей опрометчивости.

Фердинанд (*рыдая, обнимает ее*). Еще раз, Луиза!... Еще раз как в день нашего первого поцелуя, когда ты лепетала «Фердинанд» и первое «ты» сорвалось с твоих горящих уст... О! Семя бесконечной, невыразимой радости, казалось, лежало в тот момент как в почке. Вечность казалась нам прекрасным майским днем; золотые тысячелетия проносились перед нашими душами, как невесты. Тогда — то я был счастлив. О Луиза! Луиза! Луиза! Зачем ты мне это сделала?

Луиза. Плачьте, плачьте, Вальтер. Ваша грусть будет ко мне справедливее, чем ваш гнев.

Фердинанд. Ты ошибаешься. Эти слезы не те — не та теплая, сладкая роса, которая действует как бальзам на раны души и приводит опять в движение остановившееся колесо чувства. Это отдельные холодные капли — ужасное вечное прощанье моей любви. (*С большим жаром, опуская руки на ее голову*). Слезы по твоей душе, Луиза. Вся природа, кажется мне, должна была бы надеть траур и изумляться тому, что творится в ней. Это очень просто, что люди падают и теряют благодаря этому свой рай; но если эта язва начинает свирепствовать между ангелами, то вся природа должна облечься в траур.

Луиза. Не заставляйте меня, Вальтер, высказаться. Во мне достаточно силы воли, но она может выдержать только человеческое испытание. Вальтер, еще одно слово и тогда расстанемся. Страшная судьба смутила речь наших сердец. Если бы только я могла раскрыть рот, Вальтер, я бы тебе такие вещи открывала... но злой рок связал мне язык, как и мою любовь, и я должна терпеливо выслушивать, как ты меня поносишь, как обыкновенную развратницу.

Фердинанд. Хорошо ля ты себя чувствуешь, Луиза?

Луиза. Что за вопрос?

Фердинанд. Мне было бы очень жаль, если бы с этой ложью ты должна была уйти отсюда.

Луиза. Клянусь вам, Вальтер...

Фердинанд. Нет! Нет! Это была слишком сатанинская месть! Нет! Боже меня избави! Я не хочу отправиться на тот свет с этим. Луиза! Любила ли ты маршала? Ты не выйдешь больше из этой комнаты.

Луиза. Спрашивайте, что хотите. Я больше ничего не отвечу. (*Она садится*).

Фердинанд (*серьезнее*). Позаботься о своей бессмертной душе, Луиза! Любила ли ты маршала? Ты не выйдешь больше из этой комнаты.

Луиза. Я больше ничего не отвечу.

Фердинанд *(падает пред ней в страшном волнении)*. Луиза! Любила ли ты маршала? Прежде чем эта свеча выгорит... ты предстанешь... пред богом!

Луиза *(вскакивает в испуге)*. Иисус! Что это?.. мне становится очень дурно. *(Падает опять в кресло)*.

Фердинанд. Уже? В вас женщинах — вечная загадка. Нежные нервы ваши выдерживают преступления, которые подтачивают человечество в его корне, а несчастный гран мышьяку лишает вас сил.

Луиза. Яд! Яд! О боже!

Фердинанд, Боюсь что так. Твой лимонад был приправлен кое-чем в аду. Ты выпила в нем смерть.

Луиза. Умереть! Умереть! Боже милосердный! Яд в лимонаде! Умереть! Сжался над моей душой, боже милосердый!

Фердинанд. Это главное дело. Я молю его о том же.

Луиза. А моя мать... мой отец... Спаситель мира! Мой бедный, погибший отец! Разве нет уже спасения? Моя молодость... и никакого спасения! Неужели же я должна теперь умереть?

Фердинанд. Нет спасения, ты должна умереть, но будь спокойна. Мы отправляемся на тот свет вместе.

Луиза. Фердинанд, и ты? Яд, Фердинанд! От тебя? О, боже, отпусти ему этот грех...

Фердинанд. Позаботься лучше о своих счетах... Я боюсь, что они похуже моих.

Луиза. Фердинанд! Фердинанд! О... я больше не могу молчать. Смерть... смерть освобождает от всяких клятв, Фердинанд! Нет на небе, ни на земле человека несчастнее тебя. Я умираю невинная, Фердинанд.

Фердинанд *(испуганно)*. Что она здесь говорит? Никто ведь не решится взять с собой в эту дорожку ложь!

Луиза. Я не лгу... не лгу... я только

однажды за всю свою жизнь солгала... Как страшно холодно становится мне во всех членах... Когда я писала письмо гофмаршалу...

Фердинанд, А! Это письмо! Слава богу! Теперь возвратилось ко мне все мое мужество опять.

Луиза *(язык ее начинает заплетаться, пальцы судорожно подергиваться)*. Это письмо.- Кренясь, чтобы выслушать

ужасное слово — моя рука писала то, что сердце проклинали... его диктовал мне твой отец.

Фердинанд *(стоит некоторое время в оцепенении, наконец падает как громом пораженный)*.

Луиза. О, это несчастное недоразумение... Фердинанд... меня заставили...прости... твоя Луиза предпочла бы смерть... но мой отец... опасность... они это очень хитро сделали.

Фердинанд. Слава богу! Я еще не чувствую яду *(выхватывает кинжал)*.

Луиза *(все больше «больше слабеет»)*. Горе. Что хочешь ты сделать? Ведь это твой отец.

Фердинанд *(с выражением, ужаснейшего бешенства)*. Убийца и отец убийцы! Он должен туда же отправиться, чтобы судия мира наказал только виновного. *(Хочет уйти)*.

Луиза *(умирая)*. Мой спаситель простил... Излечи себя и его. *(Умирает)*.

Фердинанд *(быстро оборачивается, видит ее агонию и в страдании падает перед мертвой)*. погоди! погоди! Не улетай от меня, ангел небесный! *(берет ее руку, но быстро опускает ее)*. Холодна, холодна и влажна! Душа ее унеслась туда. *(Опять ускользает)*. Бог моей Луизы! Милости! Милости ужаснейшему из убийц! Это была ее последняя мольба! Как она хороша и прекрасна даже мертвая! Эта кротость не была маской, она осталась на лице даже после смерти. *(После некоторой паузы)*. Но что это? Почему я ничего не чувствую? Неужели же сила молодости хочет меня спасти? Напрасный труд! Это не согласуется с моим намерением. *(Берет стакан)*.

Сцена последняя

Фердинанд. Президент, Вурм и слуги — все с ужасом бросаются в комнату, после Миллер с народом и полицейскими, которые собираются в стороне.

Президент *(с письмом в руке)*. Сын, что это? Я не хочу верить...

Фердинанд *(бросает ему к ногам стакан)*. Так смотри, убийца!

Президент *(шатается. Все поражены. Страшная пауза)*. Сын мой, зачем ты мне это сделал?

Фердинанд *(не смотря на него)*. О да, конечно! Я должен был бы раньше спросить государственного человека. годится ли для него этот поступок? Прекрасна и удивительна. Сознаюсь, была эта уловка: нарушить союз наших сердец

ревностью. Видно мастер делал расчет, жаль только, что гневная любовь не осталась так послушна проволоке, как твоя деревянная марионетка,

Президент (*озирается кругом*). Неужели ж здесь нет никого, кто бы пожалел безутешного отца?

Миллер (*кричит за сценой*). Впустите меня! Ради бога! Пустите меня!

Фердинанд. Девушка эта — святая, за нее должен другой судиться. (*Он отворяет Миллеру дверь, который врывается туда вместе с народом и полицейскими*).

Миллер (*в ужаснейшем страхе*). Дитя мое! Дитя мое! Яд... Яд. кричат там, был здесь принят. Дочь моя! Где ты?

Фердинанд (*ведет его между президентом, и трупом Луизы*). Я невинен. Благодарю вот этого.

Миллер (*падает возле трупа на пол*). О. Иисус!

Фердинанд. В кратких словах, отец — они становятся для меня дороги — у меня низко украли мою жизнь, украли благодаря вам. Я дрожу, собираясь предстать пред богом. Но все-таки злодеем я никогда не был. Какова будет моя вечная участь? Все равно на вас вина за это не падет! Но я совершил убийство (*страшно возвысив голос*) убийство, которое я не потащу сам, как ты', может быть, рассчитываешь на суд божий. На тебя сваливаю я большую и ужаснейшую часть его; как с ней справишься, это твое дело. (*Подводит к Луизе*). Вот, варвар! Наслаждайся ужасными плодами своего остроумия; на этом лице предсмертными судорогами написано твое имя, и ангелы-губители прочтут его. Пусть этот образ откроет полог возле твоей постели, когда ты будешь спать, и даст тебе свою холодную руку. Пусть этот образ стоит пред твоей душой, когда ты будешь умирать и отгонит от тебя последнюю молитву... этот образ пусть стоит на твоей могиле, когда ты будешь воскресать и возле бога, когда он будет тебя судить. (*Он падает в обморок. Слуги поддерживают его*).

Президент (*простирая в сильном волнении руки к небу*). Не от меня, не от меня, судия мира, требуй ответа за эти души, а от этого! (*указывает на Вурма*).

В у р м. От меня?

Президент. От тебя, проклятый! От тебя, сатана! Ты, ты подал мне этот змеиный совет... Ты будешь отвечать перед богом... Я умываю руки.

В у р м (*начинает ужасно смеяться*). Прекрасно! Прекрасно! Теперь я знаю, как благодарит дьявол. Я буду отвечать, глупый злодей? Разве это был мой сын? Разве я был твоим господином? Я буду отвечать? До мозга 'костей проникает холод при виде этого! Я пропал теперь, но и ты тоже со мной. Прокричите по всем улицам об убийстве! Разбудите правосудие! Я открою тайны, от которых у слушателей мороз пройдет по коже (*Хочет идти*).

Президент (*удерживает его*). Ты этого не сделаешь, сумасшедший.

В у р м (*хлопает его по плечу*). Нет, я это сделаю, товарищ! Сделаю! Я с ума сошел, это правда — это *ты* сделал — и я буду поступать как сумасшедший. Рука об руку пойдем мы с тобой на казнь! Рука об руку с тобой в ад! Это лестно будет для меня, негодяй, быть осужденным вместе с тобой! (*его уводят*).

Миллер (*все время лежавший у ног своей дочери, быстро встает и бросает майору кошелек к ногам*). Отравитель! Возьми свои проклятые деньги! Не хотел ли ты ими купить у меня мое дитя? (*выбегает из комнаты*).

Фердинанд (*слабым голосом*). Пойдите за ним! Он в отчаянии. Сохраните эти деньги для него. Это моя ужасная благодарность. Луиза! Луиза! Я иду. Прощайте. Дайте мне умереть у этого алтаря.

Президент (*придя в себя, к сыну*). Фердинанд! Неужели же ты даже не посмотришь на своего уничтоженного отца? (*Майора опускают возле Луизы*).

Фердинанд. Богу милосердому принадлежит мой последний взгляд.

Президент (*падая перед ним в ужаснейшем страдании*). Создания и создатель оставляют меня. Неужели же ни один взор не упадет на меня для моего облегчения.

Фердинанд (*умирая, протягивает ему руку*).

Президент (*быстро встает*). Он простил меня! (*к прочим*).

Теперь я ваш пленник! (*он уходит, за ним следуют полицейские*).

(Занавес падает)

V САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНЫЙ
ФОРУМ

Министерство Культуры
Магаданской Области

ГОД РОССИЙСКОГО
КИНО 2016

